

Город падших ангелов

Автор:

[Кассандра Клэр](#)

Город падших ангелов

Кассандра Клэр

Орудия Смерти #4

Война за Орудия Смерти окончена, и Клэри Фрэй возвращается домой в Нью-Йорк. Ее ждет много нового, волнующего: она учится быть Сумеречным охотником, ее мать выходит замуж за любимого, нефилмы и нежить наконец живут в мире, а самое главное – Клэри теперь может быть с Джейсом.

Но ничто не дается даром.

Кто-то убивает Сумеречных охотников, некогда состоявших в Круге Валентина, и подкидывает трупы на территории нежити. Провокация грозит новой кровопролитной войной.

Тем временем Джейс ни с того ни с сего начинает отстраняться от Клэри. Она вынуждена разгадывать тайну, даже не подозревая, что в итоге столкнется с жутчайшим кошмаром. Сама того не ведая, Клэри запустила цепочку событий и в результате она рискует лишиться всего, что ей дорого. И Джейса тоже.

Любовь. Смерть. Предательство. Мечь. Ставки в новом романе Кассандры Клэр высоки как никогда.

Кассандра Клэр

Город падших ангелов

Посвящается Джошу

Somme-nous les deux livres[1 - Ведь мы с тобой два тома одной книги? (фр.). -
Здесь и далее примечания переводчика.]

d'un m?me ouvrage?

Часть первая

Ангелы смерти

Тьма несет в себе порок,

но витают над нею ангелы смерти,

природы скрытой, неосязаемой.

Узреть их не дано, однако сила их для нас безмерна,

а мечи губительны.

Джереми Тейлор, «Надгробная проповедь»

1

Хозяин

- Кофе, пожалуйста.

Официантка разочарованно выгнула подведенную бровь.

- И все? Поесть не закажете? - спросила она с сильным акцентом.

Саймон Льюис прекрасно понимал ее: с чашки кофе много чаевых не накапает. Впрочем, винить себя он не спешил: вампиры не едят. Иногда он заказывал что-нибудь поесть в ресторанах и кафе – лишь бы выглядеть нормальным. Однако сегодня, во вторник вечером, в «Веселке» народу было немного, и смысл в маскировке отпадал.

– Нет, мне только кофе.

Пожав плечами и забрав ламинированное меню, официантка удалилась.

Саймон, откинувшись на спинку пластикового стула, осмотрелся. Раньше он частенько заглядывал в «Веселку», закусочную на углу Девятой улицы и Второй авеню, недалеко от дома. В этом стареньком заведении, стены которого были обклеены черно-белыми обоями, позволяли сидеть сколько угодно, если каждые полчаса заказываешь по чашке кофе. Здесь по-прежнему подавали вегетарианские пироги и борщ – когда-то Саймон их очень любил, но лакомства остались в прошлой жизни...

Близился Хеллоуин (середина октября как-никак), персонал кафешки вывесил дряхлую табличку «ПРОДЕЛКА ИЛИ БОРЩ!» и поставил картонную фигуру графа Клэцкулы, вампира. Прежде Саймон и Клэри хохотали над убогими украшениями, однако сейчас фальшивые клыки и черный капюшон графа уже не казались Саймону такими забавными.

Саймон выглянул в окно. Ветер гнал по ночным улицам сухие листья, словно пригоршни конфетти. Вниз по Второй авеню шагала девушка: тренкот, длинные, развевающиеся на ветру черные волосы; прохожие оборачивались ей вслед. Раньше и Саймон на таких девушек засматривался, машинально пытаясь вообразить, куда они спешат, с кем встречаются. Уж точно не с такими, как Саймон.

Эта девушка – исключение.

Звякнул дверной колокольчик, и в кафе вошла Изабель Лайтвуд. Она улыбнулась Саймону и проследовала к его столику. Стряхнув тренкот с плеч, повесила его на спинку стула. Сегодня Изабель надела то, что Клэри называет «типичным для нее нарядом»: короткое, облегающее бархатное платье, чулки в сетку и высокие ботинки (за голенище левого девушка заткнула видимый одному лишь Саймону

нож). Присаживаясь, Изабель откинула назад волосы, чем привлекла внимание остальных посетителей. Всегда, что бы Изабель ни делала, она привлекает внимание – как взрыв фейерверка.

Прекрасная Изабель Лайтвуд. При первом знакомстве Саймон решил: с ним-то она встречаться не будет, – и отчасти оказался прав. Изабель выбирала в пассии тех, кого не одобрили бы ее родители. В их мире это нежить: фейри, оборотни, вампиры. Саймон не верил своему счастью; впрочем, свидания с Изабель продолжались всего месяц, и то с перерывами. Да и то всякий раз Саймон задавался вопросом: согласилась бы Изабель на отношения, не стань он кровососом? Не распрощайся он с прежней жизнью?

Убрав за ухо прядку, Изабель обворожительно улыбнулась:

– Классно выглядишь.

Саймон оглядел свое отражение в витрине. Под влиянием Изабель он кардинально пересмотрел имидж: на смену толстовкам и кроссам пришли кожаные куртки и дизайнерские туфли (по три сотни за пару!). Футболки с надписями Саймон оставил, и его сегодняшний девиз гласил: «ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТЫ – ПОФИГИСТЫ». Впрочем, джинсы Саймон теперь надевал опрятные: без дырок и оторванных карманов. Он отрастил волосы, так что челка закрывала лоб, но уже не ради Изабель.

Клэри над новым имиджем Саймона посмеялась. Она вообще смеялась над его личной жизнью. Не верила, будто у Саймона с Изабель все серьезно. Как и с Майей Робертс, их знакомой-оборотнем. И почему, кстати, Саймон до сих пор не открыл девчонкам, что встречается одновременно с обеими?!

Саймон не заметил, как начались отношения с Майей. Волчица любила прийти к нему в гости, поиграть на иксбоксе. В заброшенном полицейском участке – обителище местных оборотней – такой роскоши не имелось. На третий или четвертый раз Майя, прощаясь, поцеловала Саймона, и паренек обратился за советом к Клэри: мол, надо ли обо всем рассказать Изабель?

– Сначала разберись, что у вас с ней, – ответила Клэри. – Потом и говори.

Плохой совет. Прошел месяц, а Саймон так и не разобрался, что же у них с Изабель... И чем дольше тянул, тем нелепее казалась идея открыться. В принципе, Изабель с Майей не больно-то дружат, и секрет остался бы секретом, но... Через две недели Изабель и Майя встретятся на свадьбе матери Клэри и ее давнего друга Люка. Н-да, перспективка. Когда утекаешь от разъяренной толпы охотников на вампиров, то, наверное, и вполонину не так страшно.

– Ну, – голос Изабель выдернул Саймона из задумчивости, – почему здесь, а не в «У Таки»? Та м тебе подадут кровь.

Саймон поморщился. Тактичностью Изабель никогда не страдала. К счастью, никто их не слушал, даже официантка: подойдя, она бухнула перед Саймоном чашку кофе, глянула на Иззи и удалилась, не приняв заказа.

– Нравится мне здесь, – ответил вампир. – Мы с Клэри, пока она училась у Тиш, частенько сюда заглядывали. Здесь подают офигенские борщ и клёцки, это такое варёное творожное тесто. К тому же «Веселка» открыта ночь напролет.

Не слушая Саймона, Изабель посмотрела ему за спину:

– Это еще что?

Саймон проследил за ее взглядом:

– Граф Клёцкула.

– Граф Клёцкула?

Саймон пожал плечами:

– Оформление к Хеллоуину. Граф Клёцкула – для детей, он вроде графа Чокулы[2 - Граф Чокула – фирменный знак, вампир, пожирающий шоколадные хлопья.] или графа Знака из «Улицы Сезам»... – Видя непонимание во взгляде Изабель, Саймон улыбнулся: – Граф Знак учит детей считать.

Изабель покачала головой:

- Вампир по «ящику» учит детей считать?

- Эту передачу надо смотреть, - пробормотал Саймон. - Иначе не поймешь.

- Вижу мифологические корни, - менторским тоном заявила Изабель. - Существует поверье, будто вампиры помешаны на счете. Если бросить им под ноги пригоршню зерна или риса, они якобы остановятся и примутся пересчитывать крупу. Разумеется, вампирская арифмомания - бред, как и то, что вампиров отпугивает чеснок. Кстати, учителя из вампиров фиговые. Они ведь страшные.

- Спасибо, - ответил Саймон. - Изабель, граф фон Знак - шутка. Он - Знак и обожает считать. Типа: «Детки, знаете, что граф сегодня съел? Одну шоколадную печенюку, две шоколадные печенюки, три шоколадные печенюки...»

Вошел новый посетитель, и в открытую дверь ворвался холодный ветер. Вздвогнув, Изабель потянулась за черным шелковым шарфом:

- Неправдоподобно.

- А как правдоподобно? «Детки, знаете, что граф сегодня съел? Одного бедного селянина, двух бедных селян, трех бедных селян...»?

- Тс-с... - прошипела Изабель, повязав на шею шарфик и хватая Саймона за руку. В ее больших темных глазах загорелся огонь, какой загорается, если Изабель охотится на демонов или думает на них поохотиться. - Оглянись.

У витрины со сладостями стояли двое в темных, подпоясанных плащах до пят: оба низкорослые, болезненно-худые (скулы выпирали подобно ножам), с жидкими седыми волосами и бледно-серыми глазами. Мужчины, впрочем, и не смотрели на пирожные под толстым слоем глазури, рогалики и слойки с кремом.

- Угадай, - спросила Изабель, - кто они?

Саймон обернулся - двое посмотрели на него в ответ. Лишенные ресниц, их глаза выглядели пустыми отверстиями.

- Похожи на злых садовых гномов.

- Рабы, - прошипела Изабель. - Принадлежат вампирам.

- Принадлежат? Как в...

Изабель шикнула на Саймона:

- Ангела ради, ты ведь ничего о своем брате не знаешь! И как вампиры появляются на свет, тебе тоже неизвестно?

- Ну, если мама-вампир и папа-вампир сильно любят друг друга...

Изабель скорчила гримасу:

- Ладно, тебе понятно, что вампирам секс для размножения не нужен? Но спорю, как именно получают новые вампиры, ты не в курсе.

- А вот и в курсе. Я стал вампиром, потому что перед смертью выпил крови Рафаэля. Кровь плюс смерть равно вампир.

- Не совсем. Ты выпил крови Рафаэля, и тебя покусали другие вампиры. В какой-то момент тебя должны были покусать.

- Зачем?

- Слюна вампира... своеобразна. Действует как мутаген.

- Ну да...

- Не нудай мне. У тебя самого слюна волшебная. Вампиры пьют кровь людей, если не хватает других источников крови. Держат их при себе как ходячие автоматы по продаже закусок. - Изабель говорила отрешенно. - Как ни странно, люди от потери крови не страдают. Напротив, слюна вампира целебна, увеличивает число красных кровяных телец. Доноры сильнее, здоровее и живут дольше обычного человека. Потому пить человеческую кровь и не идет вразрез с

Законом. Донор не гибнет. Правда, в один момент вампир может захотеть не просто закуску – целого раба. И он начинает понемногу прикармливать донора своей кровью. Человек становится послушным, верным. Раб любит хозяина, поклоняется, ему бы только служить. Помнишь, как тебя тянуло в отель «Дюмор»? Во всем виновата кровь вампира.

– Рафаэля, – бесцветным голосом произнес Саймон. – Позволю себе напомнить, что меня к нему больше не тянет.

– Правильно, ты же полноценный вампир. Хозяину поклоняются рабы. В «Дюморе» гнездо Рафаэля выпило тебя, ты умер и обратился. Вот если бы тебя не выпили, а дали еще вампирской крови, ты стал бы рабом.

– Лекция, конечно, жутко интересная. Однако почему эти двое на нас таращатся?

Изабель снова глянула на рабов:

– Они смотрят на тебя. Может, их хозяин умер и они ищут нового? Будут у тебя питомцы, хочешь? – Изабель ухмыльнулась.

– Или они пришли полакомиться драниками.

– Рабы не едят обычной пищи. Их держат в полуживом состоянии на смеси вампирской и животной крови. Рабы не бессмертны, просто очень медленно старятся.

Оглядев двоих незнакомцев, Саймон заметил:

– Жаль, что за собой они не следят.

Изабель резко выпрямилась:

– Идут к нам. Вот сейчас и узнаем, чего им охота.

Рабы словно катились на колесиках. Бесшумно всего за пару секунд они пересекли зал. Изабель тем временем выхватила и положила под руку

стилетообразный клинок: темный, тяжелый, из серебра, с крестами на рукояти. Почти все оружие против вампиров имело насечки в виде крестов. Нефилимы, видно, полагают, что вампиры в большинстве своем христиане. Полезно быть выходцем из религиозного меньшинства!

- Не приближайтесь больше, - предупредила рабов Изабель, держа руку в паре дюймов от кинжала. - Вы двое, чего хотите?

- Сумеречный охотник, - свистящим шепотом обратилось к ней существо слева. - Мы по другому делу и не знали о тебе.

Изабель выгнула тонкую бровь:

- По какому же вы делу?

Второй раб ткнул в сторону Саймона длинным серым пальцем. Ноготь у него был желтый и заостренный.

- Мы к светолюбу.

- Как бы не так, - возразил Саймон. - Понятия не имею, кто вы. Первый раз вижу.

- Я мистер Уокер, - представился первый раб. - Подле меня - мистер Арчер. Мы служим сильнейшему вампиру Нью-Йорка. Главе крупнейшего из кланов Манхэттена.

- Рафаэлю Сантьяго, - подсказала Изабель. - Вам следует знать, что Саймон не входит ни в один из кланов. Он сам по себе.

Мистер Уокер слабо улыбнулся:

- Мой хозяин считает, что положение дел можно изменить.

Саймон посмотрел на Изабель, та пожала плечами:

- Рафаэль вроде говорил тебе держаться подальше от его клана?

– Передумал. Сама знаешь, он ветреный, непостоянный.

– Знаю, да не особенно хорошо. Мы с Рафаэлем не виделись с тех пор, как я пригрозила убить его канделябром. Он, правда, смелый, даже глазом тогда не моргнул.

– Обалдеть, – произнес Саймон. Двое рабов взирали на него бело-серыми, цвета грязного снега, глазами. – Рафаэлю от меня что-то нужно, иначе в клан не звал бы. Может, скажете, что он задумал?

– Хозяин не посвящает нас в свои планы, – высокомерно ответил мистер Арчер.

– Тогда я не пойду с вами.

– Если не пойдешь своей волей, мы уведем тебя силой. Нам дозволено.

Кинжал будто прыгнул в руку Изабель. Она лишь едва заметно шевельнула кистью, и вот клинок уже покачивается у нее в пальцах.

– На вашем месте, – предупредила девушка рабов, – я бы не рыпалась.

Мистер Арчер оскалился:

– С каких пор дети Ангела стерегут диких вампиров? Я думал, ты выше нас, Изабель Лайтвуд.

– Я не телохранитель, а девушка Саймона. Тронь его – и получишь от меня пенделя. Вот так вот.

Девушка? Саймон уставился на Изабель – та, сверкая глазами, смотрела на рабов. Поразительно! С одной стороны, Изабель вроде не считала себя девушкой Саймона, с другой – парень отметил тревожный звоночек: он удивляется не приглашению сильнейшего вампира Нью-Йорка, а переменам в личной жизни. Дожили.

– Мой хозяин, – произнес мистер Уокер примирительным (как ему, наверное, казалось) тоном, – хочет кое-что предложить светолюбу.

– Его зовут Саймон. Саймон Льюис.

– Хорошо, мистеру Льюису. Смею заверить мистера Льюиса, он только выиграет, и немало, если последует за нами и выслушает нашего хозяина. Клянусь честью господина, светолуб, тебе не причинят вреда. И если предложение придется тебе не по вкусу, ты волен отказаться.

Наш хозяин, наш хозяин... Мистер Уокер поминал Рафаэля с такой смесью обожания и благоговейного трепета, что Саймон внутренне вздрогнул. Ужасно принадлежать кому-то и не иметь собственной воли.

Покачав головой, Изабель одними губами прошептала Саймону:

– Не ходи.

Скорее всего, она права, потому что Сумеречный охотник из нее превосходный. Изабель с блеском уничтожает демонов и нежить, преступившую Закон: вампиров-отщепенцев, черных магов и одичавших оборотней-людоедов, – с двенадцатилетнего возраста, и успехов она добилась больших, чем любой сверстник-нефилим. За исключением разве что Джейса. (И Себастьяна, который, не будь он мертв, заткнул бы за пояс обоих.)

– Ладно, ведите, – согласился Саймон.

Изабель выпучила на него глаза:

– Саймон!

Рабы смотрели на него, потирая руки. Ни дать ни взять злодеи из комиксов. Пугал, правда, не сам жест, а то, как слаженно и одинаково рабы его выполняли. Словно марионетки, которых в унисон дергают за ниточки.

– Отлично, – сказал мистер Арчер.

Грохнув кинжалом о стол, Изабель встала и нагнулась к Саймону. Кончики ее блестящих черных волос коснулись столешницы.

– Не глупи, Саймон, – яростно прошептала она. – Тебе незачем с ними идти. Рафаэль – урод.

– Рафаэль – главный вампир, – ответил Саймон. – Крестил меня своей кровью. Он мне... как его там...

– Господин, создатель, породитель... имен до фи́га, – растерянно произнесла Изабель. – Может, его кровь и сделала тебя вампиром, но не она сделала из тебя светолюба.

Изабель посмотрела в глаза Саймону, как будто напоминая: «Светолюбом ты стал благодаря крови Джейса». Вслух говорить о том, кто такой Джейс и почему Саймон стал светолюбом, вкусив его крови, она не решилась. Тайну знают лишь немногие.

– Саймон, тебе не обязательно ему подчиняться.

– Не обязательно, – понизив голос, согласился Саймон. – Отказываться тоже нельзя. Меня в покое не оставят. Рафаэль вездесущ. – Краем глаза он посмотрел на мужчин в серых плащах. Те как будто молча подтверждали его слова. – Я ни погулять не смогу, ни в школу пойти, ни в гости к Клэри...

– Ну? По-твоему, Клэри с ними не справится? – Изабель, сдаваясь, подняла руки. – Ладно, иди. Только я тебя одного не отпущу.

– Возражаю, – встрял мистер Арчер. – Наши дела не касаются Сумеречных охотников. На встречу придут Дети ночи.

– Я не...

– Закон дает нам право самим улаживать дела, – чопорно напомнил мистер Уокер. – Если они целиком касаются нашего вида.

– Дайте минутку, – попросил Саймон. – Мне надо поговорить с Изабель.

На мгновение над столиком повисла тишина. Жизнь вокруг шла своим чередом: в близлежащем кинотеатре закончился сеанс, и в кафе повалили новые

посетители, официантки разносили дымящиеся тарелки с едой, за соседними столиками смеялись и болтали парочки, позади стойки перекрикивались повара. На Саймона и Изабель никто внимания не обращал, никто не видел ничего подозрительного. К маскирующим чарам Саймон привык, но с Изабель его порой не оставляло чувство, будто суетный мир остается за стеклянной стеной.

– Будь по-вашему, – отступил мистер Уокер. – Однако наш хозяин не терпит задержек.

Рабы, словно памятники, встали у двери, совершенно не обращая внимания на порывы ледяного ветра, когда кто-то входил в кафе.

– Не бойся, – успокоил подругу Саймон. – Мне не причинят вреда. Не посмеют. Рафаэль помнит про... – Саймон неловко указал себе на лоб. – Про это.

Потянувшись через стол к Саймону, Изабель смахнула челку у него со лба – жестом скорее формальным, нежели трепетным. Саймон на Каинову печать насмотрелся в зеркало. Метку словно нарисовали тонкой кистью и чернилами. Она слегка меняла форму, как образ в облаках, и при том же всегда оставалась грозной – будто предупреждение на неведомом языке.

– Оно... действует? – прошептала Изабель.

– Рафаэль считает, что да. И я склонен соглашаться. – Саймон отвел ее руку. – Все будет хорошо.

Девушка тяжело вздохнула:

– Как опытный охотник, предупреждаю: не глупи.

Саймон сжал в руке ее пальцы:

– Брось. Тебе самой интересно, что на уме у Рафаэля.

Похлопав его по руке, Изабель попросила:

– Как вернешься – расскажешь. Сразу позвони мне.

– Позвоню. – Встав, Саймон застегнул куртку. – У меня просьба. Точнее, несколько просьб.

Изабель посмотрела на него со сдержанным любопытством:

– Выкладывай.

– Клэри сегодня собиралась на тренировку в Институт. Не говори, куда я пошел. Нечего ей попусту волноваться.

Изабель закатила глаза:

– Ладно, не скажу. Что дальше?

Наклонившись, Саймон поцеловал Изабель в щеку:

– Попробуй здешний борщ. На вкус – фантастика.

* * *

Мистер Уокер и мистер Арчер оказались не самыми разговорчивыми проводниками. Словно скользя над асфальтом, они молча вели Саймона по улицам – людным, несмотря на поздний час. Кто-то, опустив голову и подняв воротник, возвращался домой с ночной смены, кто-то с ужина. У церкви Святого Марка уличные торговцы выложили на карточных столиках товар: от дешевых носков до карандашных рисунков с видами Нью-Йорка и сандаловых благовоний. Листья шелестели об асфальт как сухие кости. В воздухе пахло выхлопными газами, сандалом и – тоньше всего – человечинной, кровью и кожей.

Желудок начало сводить. Дома Саймон держал достаточно бутылочек с кровью и даже устроил потайной холодильник в дальнем углу кладовки, чтобы мама не увидела. На вкус он находил кровь отвратительной. Думал, привыкнет, полюбит. Однако животная кровь лишь глушила приступы голода, но так и не стала вровень с шоколадом, вегетарианскими бурито и кофейным мороженым. Кровь оставалась кровью.

Впрочем, голод чувствовать – еще хуже. Саймон невольно улавливал запахи: соль на коже, приторный, сладковатый аромат крови, проступающий через поры. Голод разгорелся сильнее. Саймон спрятал руки в карманы куртки и постарался дышать ртом.

Свернув на Третью авеню, процессия остановилась у ресторана с вывеской:

«МОНАСТЫРСКОЕ КАФЕ».

САД ОТКРЫТ КРУГЛЫЙ ГОД.

Уставившись на надпись, Саймон спросил:

– Нам разве сюда?

– Хозяин велел привести тебя в это место, – отрешенно ответил мистер Уокер.

Саймон озадаченно хмыкнул:

– Я-то считал, что Рафаэль любит встречи... ну, на крыше неосвященного собора там... или в склепе, где полно костей. Не думал, что он поклонник фирменных заведений.

Рабы пристально посмотрели на Саймона.

– Тебя что-то не устраивает, светолуб? – спросил наконец мистер Арчер.

Лишних проблем Саймону не хотелось, и он ответил:

– Да нет. Все тип-топ.

Внутри оказалось темно. Вдоль одной из стен шла мраморная стойка. Рабы сразу повели Саймона к двери в задней части зала, в сад; по пути никто из персонала к ним не подошел.

Террасы имелись во многих ресторанах Нью-Йорка, но не все работали в холодное время года. Здешний сад представлял собой внутренний дворик меж нескольких зданий. Стены украшал троплей: полные цветов итальянские сады. На деревьях с желто-красными кронами висели гирлянды, а между столиками горели инфракрасные лампы. В середине садика мелодично журчал фонтан.

Саймон увидел лишь одного посетителя – не Рафаэля. За столиком у стены сидела стройная дама в шляпе с широкими полями. Она помахала рукой удивленному Саймону. Вампир обернулся: позади него, естественно, больше никто не стоял. Ошеломленный, Саймон последовал за Уокером и Арчером – рабы, скользя, направились к даме и остановились в нескольких футах.

Уокер низко поклонился:

– Повелительница.

Дама улыбнулась:

– Уокер, Арчер, вы молодцы. Спасибо, что привели Саймона.

– Секундочку. – Саймон недоверчиво переводил взгляд с дамы на рабов и обратно. – Вы не Рафаэль.

– Черт возьми, ты прав. – Дама сняла шляпу, и на плечи ей упали невероятно густые серебристые локоны. У нее было гладкое овальное лицо с большими бледно-зелеными глазами. Длинные перчатки из черного шелка, блузка из того же материала, узкая прямая юбка и черный шарф... Саймон затруднялся определить возраст дамы, даже приблизительно, хотя бы во сколько лет ее укусили. – Я Камилла Белькур. Очень, очень рада встрече. – И она протянула руку.

– Меня вроде Рафаэль пригласил, – сказал Саймон, не отвечая на приветственный жест. – Вы работаете на него?

Камилла Белькур серебристо рассмеялась:

– Вот уж нет! Это он когда-то на меня работал.

И тут Саймон вспомнил: сам же, будто века назад, говорил Рафаэлю, что глава вампиров – некто другой. И Рафаэль отвечал: «Камилла до сих пор не вернулась. Я за нее».

– Так это вы хозяйка. Глава манхэттенского клана. – Он обратился к рабам: – Вы меня обманули! Сказали, что встречу устроил Рафаэль.

– Я сказал: тебя ждет наш хозяин, – ответил мистер Уокер, глядя на Саймона огромными пустыми глазами. Вряд ли раб способен на обман. Скорее всего, он запрограммирован, как робот, передавать слова повелителя и просто не замечает отклонений от надиктованной речи. – Вот она, повелительница.

– Право слово. – Наградив рабов ослепительной улыбкой, Камилла сказала: – Уокер, Арчер, прошу, оставьте нас. Мне с Саймоном надо поговорить наедине.

Имя Саймона и «наедине» глава клана произнесла, будто тайный пароль для любовника.

Рабы с поклоном удалились. На шее у мистера Арчера Саймон успел заметить след от укуса: темный синяк, похожий на мазок краски, и – еще более темные – две дырочки посередине, окольцованные сухой, потрескавшейся кожей. Саймон тихонько вздрогнул.

– Прошу, садись. – Камилла похлопала по соседнему стулу. – Хочешь вина?

Саймон неловко присел на краешек жесткого металлического стула:

– Я не большой любитель выпить.

– Понимаю, – сочувственно произнесла Камилла. – Ты ведь совсем еще новичок. Не бойся, со временем приучишь себя употреблять вино и прочие людские напитки. Старейшие из нас способны есть, почти не ощущая болезненных побочных эффектов.

Болезненных побочных эффектов? Саймону слова Камиллы не понравились.

– Мы надолго здесь? – спросил он, демонстративно доставая сотовый и глядя на часы. Половина одиннадцатого. – Мне домой надо.

Пригубив вино, Камилла спросила:

– Правда? Зачем же?

Мама ждет. Правда, дамочке этого знать не обязательно.

– Вы прервали мое свидание. Я думал, дело срочное.

– Ты ведь живешь с матерью, так? – напомнила Камилла, отставляя бокал. – Странно, ты могущественный вампир – и отказываешься покидать дом. Не хочешь вступить в клан.

– Так вы прервали мое свидание, чтобы посмеяться? Могли бы выбрать другой вечер. Я на свидания не часто хожу.

– Я не смеюсь, не издеваюсь, Саймон. – Она облизнула нижнюю губу, словно добирая капельки вина. – Просто интересно, почему ты не присоединился к Рафаэлю?

То есть к ней самой.

– Чутье подсказывало, что Рафаэлю это не нужно. Он ясно дал понять, что оставит меня в покое, если я уйду. Я и ушел.

– Ушел? – Бледно-зеленые глаза Камиллы светились.

– Я не просил делать из меня вампира, – ответил Саймон, поражаясь, зачем он вообще откровенничает с этой странной женщиной. – Просто хотел нормальной жизни. Узнав о даре, я подумал: вот шанс. По крайней мере, у меня есть подобие человеческой жизни: я хожу в школу, ночью дома, общаюсь с мамой и сестрой...

– Ты не ешь в их присутствии. Тебе приходится скрывать тягу к крови. Ты ни разу не пил кровь человека, да? Пьешь исключительно слитую кровь. Остывшую. Животную.

Камилла наморщила носик.

Саймон пил кровь Джейса, но Джейс – не совсем человек.

– Нет, кровь человека я не пил.

– Когда-нибудь ты попробуешь людскую кровь... и вкуса ее забыть не сумеешь. – Женщина наклонилась к Саймону, и кончики ее волос коснулись его руки. – Вечно прятать свою суть нельзя.

– Какой подросток не врет родителям? И что вам за дело? Зачем меня звали?

Камилла вновь наклонилась к Саймону, позволяя заглянуть себе в вырез платья. Будь Саймон человеком, он вспыхнул бы от смущения.

– Может, покажешь ее?

– Кого ее? – выпучил глаза Саймон.

Камилла улыбнулась:

– Печать, глупыш. Печать одиночества.

Саймон вернул на место отвисшую челюсть. Откуда Камила знает о Печати?! Лишь немногие в курсе, что Клэри изобразила у него на лбу. Рафаэль предупреждал: Каинов знак – предмет страшной тайны, и Саймон ему поверил.

Камилла пристально смотрела на Саймона. Нечто в мелодичном звучании ее голоса заставило убрать со лба челку.

Округлив глаза и приоткрыв рот, Камила схватилась за горло. Она словно проверяла давно умолкший пульс.

– О... – произнесла наконец вампиресса. – Ты такой везунчик, Саймон. Такой счастливчик.

– Я проклят, – напомнил он, – не благословлен. Сами знаете.

Сверкнув глазами, Камилла процитировала:

– «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно»[3 - Бытие, 4:13.]. Ты не в силах вытерпеть свое проклятие, Саймон?

Опустив челку, он выпрямился:

– Я – в силах.

– Просто не хочешь. – Не сводя с него глаз, Камилла провела пальцем по кромке бокала. – Что, если я предложу обратить проклятие в преимущество?

Ну наконец-то она подошла к сути дела! Начинается настоящий разговор.

– Я весь внимание.

– Когда я представилась, ты узнал мое имя. Рафаэль упоминал меня прежде, так?

Разговаривала Камилла с легким акцентом.

– Он замещает вас в качестве главы. Как... вице-президент, что ли.

– Ага. – Камилла легонечко прикусила нижнюю губу. – Рафаэль был не до конца правдив. Позволь же, Саймон, открыть истину. Я сделаю тебе предложение, только сначала пообещай мне кое-что.

– Что же?

– Все сказанное и свершенное здесь и сегодня останется между нами. В тайне. Ты никому ничего не расскажешь: ни своей рыженькой приятельнице Клэри, ни одной из твоих дам сердца и никому из Лайтвудов. Вообще никому.

Саймон откинулся на спинку стула:

– А если я не стану ничего обещать?

– Ты волен уйти. И в этом случае не узнаешь, что же я хотела предложить. Об упущенном шансе ты пожалеешь.

– Я, конечно, любопытный, но не настолько.

В глазах Камиллы вспыхнула искорка удивления, любопытства и – как показалось Саймону – некоторого уважения.

– Сделка не касается твоих друзей и знакомых. Я никак не затрону их жизни и благосостояние. Секретность – для моей же безопасности.

Саймон посмотрел на Камиллу с недоверием. Она что, серьезно? Вампиры – не феи, которые врать неспособны. Хотя, надо признать, любопытство Камилла в Саймоне возбудила.

– Хорошо, я сохраню тайну. Только если ваши дела действительно не угрожают моим друзьям. Иначе я отказываюсь от соглашения.

Камилла одарила Саймона ледяной улыбкой. Сразу видно: не любит, когда ей не верят на слово.

– Что ж, будь по-твоему. Помощь твоя нужна очень срочно, и выбора не остается. – Камилла подалась вперед, поигрывая ножкой бокала. – Еще недавно я руководила манхэттенским кланом, не зная бед. Мои подданные жили в отличном довоенном доме в Верхнем Вест-Сайде. Отель – крысиная дыра, в которой держит гнездо Сантьяго, – не чета нашему прежнему обиталищу. Сантьяго – или Рафаэль, как ты его называешь, – был моей правой рукой. Самым преданным товарищем... как я думала. В одну прекрасную ночь выяснилось, что он убивает людей ради забавы: заманивает их в отель в Испанском Гарлеме, высушивает, а кости прячет в мусорный контейнер. Бессмысленно рискует жизнью всех в гнезде, нарушает Закон. – Камилла пригубила вино. – Я решила разобраться с Сантьяго, однако он опередил меня. Солгал всем, будто убийца и преступник – я. Подставил госпожу. Рассчитывал убить меня и прибрать к рукам власть. Я бежала, забрав только Уокера и Арчера – для защиты.

- То есть Рафаэль лгал. Он не замещает вас, не ждет возвращения хозяина?

Камилла поморщилась:

- Сантьяго - закоренелый лжец. Моего возвращения он ждет, только чтобы избавиться от меня и окончательно подчинить себе клан.

Саймон растерялся. Он не привык, что зрелые женщины смотрят на него полными слез глазами и изливают душу.

- Мне жаль, - произнес он наконец.

Камилла очень выразительно пожала плечами. Не француженка ли она?

- Что было, то быльем поросло. Все это время я скрывалась в Лондоне, ища союзников, выжидая. Затем дошли слухи о тебе... - Камилла подняла руку в предупреждающем жесте, - не скажу от кого, с меня взяли клятву хранить источник сведений в тайне. Я сразу поняла: ты-то мне и нужен.

- Нужен? Или был нужен?

Камилла коснулась его руки:

- Рафаэль тебя боится, как и положено. Ты один из нас, вампир, но Рафаэль и пальцем тебя не тронет. Иначе гнев Божий падет на его голову.

В наступившей тишине отчетливо слышались тихое гудение тока в гирляндах, плеск воды в каменной чаше фонтана и шум ночных улиц.

- Вы помянули Его, - тихим голосом заметил Саймон.

- Кого его?

- Его... Чей гнев... - Заповедное слово готово было сорваться с губ.

– Понимаю – Бога. – Не сводя с Саймона теплого взгляда, Камилла убрала руку. – Наш вид хранит много тайн. Я столько могу поведать тебе, показать. Ты узнаешь, что вовсе не проклят.

– Мэм...

– Камилла. Зови меня Камилла.

– Чего вы от меня хотите?

– Еще не понял? – Она мотнула головой, и блестящие волосы разметались по лицу. – Присоединяйся ко мне, Саймон. Встань против Сантьяго. Вместе мы войдем в его крысиную нору, в отель, и, как только его приближенные увидят, что ты со мной, они сразу вернуться ко мне. Я верю: мои подданные верны мне, просто боятся Сантьяго. Мы рассеем страх, вернем клан. Божественному нельзя противиться.

– Сомневаюсь, – ответил Саймон. – В Библии Иаков боролся с ангелом и победил... – Камилла приподняла брови. Пожав плечами, Саймон сказал: – Я в иудейскую школу ходил.

– «И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя»[4 - Бытие, 32:30.]. Ты не единственный знаешь Писание. – Теперь Камилла улыбалась. – Ты, может, не понимаешь, светолуб, но Каинова печать делает тебя карающей десницей Господа. Перед тобой никто не устоит, вампиры – тем более.

– Вы меня боитесь? – спросил Саймон и тут же пожалел: взгляд Камиллы сделался темнее тучи.

– Я? Боюсь тебя? – Она постаралась взять себя в руки, вернув лицу прежнее, непринужденное выражение. – Разумеется, нет. Ты воспитанный и образованный. Я просто уверена, что выгода от союза со мной очевидна.

– И что дальше? Вот убьем мы Рафаэля – а потом? Я не питаю к нему ненависти и не хочу убивать ради убийства. Рафаэль меня не трогает, большего и не надо.

Камилла сложила перед собой руки. На левом среднем пальце – поверх перчатки – у нее поблескивало серебряное кольцо с голубым камнем.

– Это сейчас ты доволен, Саймон. Рафаэль не делает тебе одолжения, он изгнал тебя. Пока тебе не нужны приятели, кроме тех, что уже есть: люди, нефилимы. Ты счастлив, пряча бутылки с кровью и вводя мать в заблуждение.

– Откуда вы...

Не обращая на него внимания, Камила продолжила:

– Все хорошо, пока тебе шестнадцать. Представь, что будет в двадцать шесть. В тридцать. Думаешь, никто не заметит, как ты не меняешься, когда все вокруг стареют?

Саймон молчал. Не хотел признавать, что так далеко еще не заглядывал. Сознательно не заглядывал.

– Ты поверил Рафаэлю, будто вампиры для тебя – яд. Разве обязательно слушать его? Вечность длится очень долго, особенно если не с кем ее разделить. Если не разделить ее со своими. С теми, кто тебя понимает. Ты дружишь с нефилимами, но ты не один из них. Для них ты посторонний, чужак. Среди нас же ты свой. – Камила подалась вперед, и свет, отразившись от кольца, кольнул Саймону глаз. – У нас тысячелетний опыт, Саймон, и мы можем поделиться с тобой. Ты научишься скрывать свою сущность, есть и пить среди людей, поминать имя Господа. Жестокий Рафаэль скрыл эту возможность, будто ее не существует вовсе. Она есть, и ты ее получишь. Я помогу.

– Если я помогу вам.

Камилла улыбнулась, показав острые белые зубы:

– Мы поможем друг другу.

Саймон откинулся на спинку жесткого металлического стула и внезапно ощутил усталость. На тыльной стороне ладоней проступили потемневшие вены. Нужна кровь. Нужно поговорить с Клэри. Нужно время обдумать предложение.

– Слишком много информации, – заметила Камилла. – Понимаю и с радостью дам срок поразмыслить над предложением и обо мне. Только учти: времени остается очень мало. В городе мне угрожают Рафаэль и его когорта.

– Когорта? – Саймон невольно усмехнулся.

– В чем дело? – удивилась Камилла.

– Да просто... когорта... Проще сказать «шестерки», «прихвостни». – Видя пустой взгляд Камиллы, Саймон вздохнул: – Простите, это я плохих фильмов посмотрелся.

Камилла слегка нахмурилась, и между бровей у нее залегла тонкая складка.

– Меня предупреждали, что ты не совсем обычный. Или я просто не знаю вампиров твоего поколения? Любопытно и познавательно будет оказаться в кругу... молодежи.

– Свежая кровь, – подсказал Саймон, и Камилла улыбнулась:

– Значит, ты готов? Принять предложение? Работать со мной?

Саймон посмотрел вверх. Полосы белого света в небе оттеняли блеск звезд.

– Послушайте, я ценю ваше предложение, правда... – Черт, не так. Саймон будто приглашение на школьный бал отвергает. Надо по-другому. Может: «Своим предложением вы мне очень, очень польстили, но...»? Камилла и Рафаэль разговаривают сдержанно и сухо. Скопировать их манеру? – Мне потребуется некоторое время на размышления. Уверен, вы поймете.

Камилла улыбнулась – очень осторожно, показав лишь кончики клыков:

– Пять дней, не больше. – Она протянула Саймону пузырек, похожий на флакон с духами. Только в этом сосуде лежал буроватый порошок. – Кладбищенская земля. Разбей, когда будешь готов призвать меня. Если через пять дней ты не разобьешь флакон, я пришлю за ответом Уокера.

Приняв пузырек, Саймон спрятал его в карман куртки:

– А если я отвечу отказом?

– Ты меня разочаруешь, но расстанемся мы друзьями. – Камилла отставила бокал. – До встречи, Саймон.

Встав, он отодвинул стул, ножки которого слишком громко скрипнули по полу. Пожалуй, стоило что-нибудь сказать на прощание, однако уж лучше показаться невоспитанным современным вампиром, чем снова втягиваться в неприятный разговор. Молча он покинул террасу.

По пути через зал Саймон заметил Уокера и Арчера у большой деревянной решетки: рабы, ссутулившись, следили за ним. Парень чувствовал на себе их взгляды. Проходя мимо, он изобразил жест рукой: нечто между дружеским «пока-пока» и воздушным поцелуем. Арчер, оскалив зубы – простые, человеческие, – проследовал на террасу; Уокер – за ним. Камилла даже не соизволила взглянуть на рабов, когда те садились за столик напротив. В этот момент выключилась иллюминация – вся, разом, – и сад превратился в черную дыру, словно кто-то погасил над ним звезды. Когда персонал ринулся на террасу и когда ее вновь залило бледным светом, Камиллы и рабов уже след простыл.

* * *

Приоткрыв дверь дома – одного из многих бруклинских кирпичных домов, так похожих друг на друга, – Саймон прислушался.

Матери он соврал, будто идет репетировать перед субботним концертом. Было время, когда мать верила на слово и лишних разговоров не возникало; Элейн Льюис – не из строгих родителей, в ее доме не действует комендантский час. И Саймон, и его сестра спокойно гуляли допоздна, даже в будни. Бывало, засидевшись у Клэри, Саймон возвращался и, отперев дверь своим ключом, падал в постель часа в два ночи. И ни слова против со стороны мамы.

Все изменилось с тех пор, как Саймон побывал в Идрисе, на родине Сумеречных охотников. На две недели он исчез из дому без предупреждения. В гости к Льюисам наведалься Магнус Бейн и наложил на мать Саймона заклятие забвения.

Теперь она не помнит – по крайней мере, сознательно – о пропаже сына. Зато ведет себя иначе: контролирует чуть ли не каждый шаг, требует, чтобы Саймон возвращался домой в строго оговоренное время. Когда он последний раз вернулся после свидания с Майей, Элейн встретила его в прихожей: сидя в кресле, скрестив руки на груди и едва сдерживая гнев.

В ту злополучную ночь Саймон, еще не войдя домой, услышал дыхание матери. Сегодня до него доносился только приглушенный звук телевизора из гостиной. Должно быть, мама ждет его и смотрит очередной сериал про врачей (которые так обожает). Закрыв за собой дверь, Саймон привалился к ней спиной и собрал силы – предстояло врать.

Питаться с домашними тяжело. Ладно, мама уходит на работу ранним утром и возвращается поздно ночью; Ребекка учится в колледже в Нью-Джерси и домой приходит только ради стирки – замечать странности у нее попросту нет времени. Уходя на работу, мама оставляет на кухонной стойке приготовленный с любовью завтрак, и Саймон по пути в школу отправляет его в мусорный бак. С ужином справиться сложнее. Если мама дома, Саймон гоняет еду по тарелке, притворяясь сытым, или берет ее с собой в комнату – якобы хочет съесть за уроками. Пару раз, желая сделать маме приятное, он впихивал в себя еду, а после потел и блевал в ванной.

До чего противно врать! Саймон жалел Клэри – из-за бремени любви Джослин, самой гиперзаботливой матери, какую Саймон когда-либо встречал. Правда, со смертью Валентина Джослин успокоилась и уже не так докучала дочери опекой. У себя дома Саймон постоянно чувствовал бдительный взгляд Элейн Льюис как немой укор.

Втянув голову в плечи и бросив сумку у двери, Саймон вошел в гостиную. Готовый к самому худшему, он взглянул на экран: предавали животрепещущие новости о ребенке, брошенном в переулке за больницей. Странно, мама терпеть не может новости, они вгоняют ее в депрессию. Впрочем, ничего удивительного: мама уже давно спит; очки лежат на столике, на полу – полупустой бокал. Судя по запаху, в нем виски. Мама же почти не пьет!

Саймон ощутил укол совести.

Он сбегал в спальню матери за вязаным пледом. Элейн Льюис – миниатюрная, похожая на птичку женщина – еще спала. Дышала медленно и ровно. Ее лицо обрамлял нимб курчавых черных волос с проседью, которую она отказывалась окрашивать. Мама работала на некоммерческую организацию по охране окружающей среды и почти всегда носила одежду с животным орнаментом. Сегодня на ней было платье цвета морской волны с дельфинчиками и значком из засмоленной живой рыбки – ее мертвый глаз как будто смотрел на Саймона с укоризной. Сын нагнулся подоткнуть матери плед, и в этот момент Элейн Льюис судорожно отвернулась от него.

– Саймон, – прошептала она. – Саймон, где ты?

Пораженный, Саймон выпрямился. Может, стоит разбудить маму и сказать: мол, вот он я, пришел домой? Нет, начнутся вопросы, и мама опять будет смотреть на него с болью в глазах. Саймон не выдержит.

Развернувшись, он отправился к себе в комнату.

Не снимая с кровати покрывала, Саймон упал на матрас и схватил с тумбочки трубку телефона. Хотел уже рефлекторно набрать номер Клэри и остановился, вслушиваясь в гудок. Про Камиллу рассказывать нельзя. Саймон ей, конечно, ничем не обязан, однако за последние несколько месяцев он твердо усвоил урок: нарушать данную магическим существам клятву опасно. И все же ему не терпелось поговорить с Клэри, услышать ее голос. В конце концов, всегда можно пожаловаться на любовные перипетии. Клэри готова смеяться над ними до потери пульса.

Перекатившись на бок и накрыв голову подушкой, Саймон набрал номер Клэри.

2

Падение

– Ну как, хорошо провел время с Изабель?

Прижав трубку плечом к уху, Клэри перепрыгнула с одной потолочной балки на другую. На высоте двадцати футов над тренировочным залом на чердаке Института. Хожение под потолком развивало равновесие, и Клэри – с ее боязнью высоты – просто терпеть не могла эту часть занятий. Пусть даже к поясу крепился гибкий страховочный трос.

– Насчет Майи признался?

Саймон пробурчал что-то невразумительное. Значит, нет. На заднем фоне играла музыка, и Клэри представила картинку: Саймон, включив стереосистему, лежит в обнимку с трубкой. Голос его звучал устало, даже очень, то есть, говоря непринужденным тоном, Саймон пытается обмануть Клэри. Она несколько раз, еще в начале беседы, спросила, все ли хорошо, но Саймон лишь отмахнулся, решив не отвечать.

Клэри фыркнула:

– Саймон, ты играешь с огнем. Не забывай.

– Было бы что помнить. Экое дело важное, – печально произнес Саймон. – Ни Майя, ни Изабель не брали с меня обещания встречаться только с ними и ни с кем больше.

– Открою тебе секрет. – Клэри присела на балку. В распахнутые полукруглые окна влетал ночной воздух, холодя покрытую испариной кожу. Клэри думала, что нефилемы занимаются в тяжелой боевой броне; оказалось, кожаные штаны и куртки – для поздних стадий тренировки с оружием. Сейчас на Клэри были штаны на шнурке и майка, примерно как у больничного персонала. – Пускай девушка и не взяла с тебя обещания встречаться только с ней, это еще ничего не значит. Она придет в ярость, узнав о твоих похождениях на стороне. Особенно если она знакома с соперницей. Таковы правила свиданий.

– Откуда ж мне было знать?

– Это правило всем известно.

– Ты на моей стороне или как?

– Конечно на твоей!

– Тогда прояви сочувствие!

Прижав трубку к другому уху, Клэри уставилась во тьму первого этажа. Куда подевался Джейс? Ушел за вторым тросом и пропал. Впрочем, застав Клэри за болтовней по телефону, он ее на месте прибьет. Джейс редко следил за тренировками Клэри, обычно учительскую обязанность берут на себя Мариза, Кадир или кто-нибудь из нью-йоркского отделения Конклава. (Замену Ходжу пока не нашли.) Но уж если наступала его очередь, парень брался за дело с большим усердием.

– Твои проблемы, – сказала Клэри, – не проблемы вовсе. Ты встречаешься одновременно с двумя красивыми девчонками. Подумай над этим. Ситуация вполне типична для... рок-звезды.

– Проблемы – единственное, что мне досталось от жизни настоящей звезды.

– Ты сам назвал свою группу «Похотливая плесень», друг мой.

– Мы теперь «Тысячелетние катышки», – возразил Саймон.

– Значит так, разберись с личной жизнью до свадьбы. Если на празднике Майя и Изабель узнают, что ты встречаешься с ними обеими, они убьют тебя, и тогда празднику конец. С горя моя мама тоже тебя убьет. Так что быть тебе мертвым дважды. Нет, технически, трижды...

– Я их на праздник не приглашал! – встревожился Саймон.

– Ага, зато девчонки ждут, когда пригласишь. За тем и нужны парни – для выходов в свет. – Подойдя к краю балки, Клэри посмотрела на пол, освещенный ведьминым огнем. На тренировочный круг вроде мишени, нарисованной мелом. – Ладно, пора прыгать, и, видимо, я помру жуткой смертью. Завтра поговорим.

– Не забудь, у меня в два репетиция. Приходи.

– Пока-пока. – Нажав «отбой», Клэри сунула телефон в лифчик. Что прикажете делать, если нет карманов?

– Всю ночь наверху торчать будешь? – спросил Джейс, выходя в центр круга. В отличие от Клэри он надел боевую форму, и светлые волосы сильно выделялись на черном фоне. Под конец лета их оттенок стал темно-золотым, что шло Джейсу не так хорошо, как светлый. При мысли, что ей теперь заметны малейшие перемены во внешности возлюбленного, Клэри почувствовала слегка неуместную радость.

– Ты хотел ко мне подняться, – крикнула девушка вниз. – Передумал?

– Долго объяснять. – Джейс ухмыльнулся. – Ну как, прыжки отрабатываем?

Клэри вздохнула. Отрабатывая прыжки, нефилемы кидались вниз с большой высоты. В полете предстояло отталкиваться от стен, кувыркаться, кружиться, пинаться и нырять, совершенно позабыв о синяках и ушибах. Джейс, падая, напоминал ангела, грациозного и прекрасного. Сама Клэри летела вниз подобно мешку с картошкой. Она съеживалась, и от ужаса перед ударом о пол не спасала никакая страховка.

Может, Клэри поздно становится Охотницей? Может, в полную силу ей не раскрыться? Или дар нефилема разделился между нею и Джейсом не поровну: ему достались физическая сила и ловкость, а Клэри... ну, не то чтобы очень многое.

– Айда, – позвал Джейс. – Прыгай!

Закрыв глаза, Клэри сиганула с балки. На мгновение она зависла в воздухе, свободная от всего. Потом гравитация взяла свое, и Клэри полетела вниз, рефлекторно подобрала руки и ноги и крепко зажмурилась. Когда трос натянулся, ее рвануло вверх и снова бросило вниз. Ощувив наконец, что можно расслабиться, Клэри открыла глаза. Она висела в пяти футах над Джейсом; тот широко улыбался:

– Отлично. Падаешь как снежинка.

– Кричала небось? – с искренним любопытством спросила Клэри. – Ну, пока вниз летела?

Джейс кивнул:

– Хорошо еще, никого дома нет. Решили бы, что я тебя убиваю.

– Ха! Достань сначала! – Она изобразила удар ногой и легонько качнулась в воздухе.

Глаза у Джейса загорелись.

– Хочешь пари?

Клэри слишком хорошо знала этот блеск в глазах.

– Нет, – поспешила она отказаться. – Что бы ты ни затеял...

Поздно. Человеческий глаз не мог уследить за молниеносными движениями Джейса. Вот парень потянулся к поясу – его рука размылась, – и сверкнула вспышка. Раздался треск рвущейся ткани. Освобожденная от страховки, Клэри упала прямо на Джейса, и вдвоем они повалились на мат.

– Ну вот, – улыбнулся Джейс. – Сейчас ты совсем не кричала.

– Не успела.

Дыхание перехватило – и не от падения. Распластавшись на Джейсе, ощущая под собой его тело, Клэри чувствовала, как дрожат руки. Она надеялась, что со временем ее – и его – трепет от близости поутихнет, но куда там. Все стало только хуже... или, напротив, лучше. Смотря, как относиться к невольным проявлениям чувств.

Джейс смотрел на Клэри глазами цвета темного золота. Их оттенок, похоже, стал гуще после встречи с Разиилом. Спросить не у кого. Хотя близкие и знали, что Валентин, призывая Ангела, ранил Джейса (а Разиил исправил содеянное), подробности истории известны лишь Клэри и Джейсу. Валентин не просто нанес

рану приемному сыну – пронзил его в сердце, принес в жертву, дабы пришел Ангел. Джейс умер на руках Валентина.

По желанию Клэри Разиил вернул его с того света. Сила чуда до того потрясла Клэри – и Джейса, – что они договорились никому о нем не говорить. О том, что Джейс умирал, пусть лишь на короткое время.

Он убрал со лба Клэри выбившуюся прядку:

– Шучу. Ты совсем неплоха, наверстываешь упущенное. Надо было тебе видеть Алека во время первого прыжка: он так вертелся, что сам себя в голову пнул.

– Верю. Но ему-то было лет одиннадцать. – Клэри оглядела Джейса. – Зато у тебя, наверное, прыжки получались офигенно с самого начала?

– Я родился офигенным. – Он провел кончиками пальцев по щеке Клэри, и девушка вздрогнула. Джейс, конечно, шутит, однако он и правда рожден нефилимом. – Ты сегодня еще останешься?

Клэри слегка улыбнулась:

– Тренировка закончена?

– Обязательная часть пройдена. Впрочем, надо бы отработать дополнительные элементы...

Джейс хотел перевернуться и повалить Клэри на спину, и в ту же секунду распахнулась входная дверь. Цокая высокими каблуками по полированному деревянному полу, вошла Изабель.

При виде развалившихся на мате Джейса и Клэри она выгнула брови:

– Обжимаетесь? Разве Клэри сюда не тренироваться приходит?

– Стучаться надо, Из. – Джейс не изменил позиции, только посмотрел на Изабель со смесью раздражения и братской любви во взгляде. Клэри же, напротив, встала и принялась оправлять одежду.

– Тренировочный зал – место открытое. – Изабель стянула с руки ярко-красную бархатную перчатку. – Прикупила в рок-н-рольной лавке, на распродаже. Правда, милые? Хотите пару таких же? – И она игриво помахала пальцами в сторону Джейса и Клэри.

– Даже не знаю, – отозвался Джейс. – Боюсь, не подойдут к форме.

Изабель скорчила гримасу:

– В Бруклине нашли тело нефилима, слышал? Изувеченное до неузнаваемости. Похоже, мама отправилась лично на него посмотреть.

– Слышал, – садясь, ответил Джейс. – Я столкнулся с Маризой на выходе. Она шла на собрание Конклава.

– Ты поэтому так долго ходил за веревкой? – спросила Клэри. – Почему мне ни слова?

– Прости, пугать не хотел.

– В смысле, – поправила его сестра, – не хотел обломать романтическое настроение. – Прикусив губу, она добавила: – Надеюсь, убитый – не наш знакомый.

– Вряд ли мы его знали. Тело пролежало на заброшенной фабрике несколько дней. Пропали наш друг, мы бы давно заметили.

Убрав волосы за уши, Джейс посмотрел на Изабель с легким раздражением. Сердится, что она при Клэри заговорила о гибели неизвестного нефилима. Лучше бы сам поведал новость до прихода сестры. И фиг с ним, с настроением, Сумеречные охотники почти каждый день сталкиваются со смертью, и Лайтвуды – каждый по-своему – до сих пор оплакивают потерю младшего из членов семьи, Макса. Мальчик погиб, просто оказавшись не в том месте и не ко времени. Странно, Джейс и слова против не сказал, когда Клэри оставила школу ради тренировок, и сам же избегает разговоров о смерти.

– Пойду оденусь, – сказала Клэри и отправилась в раздевалку.

Обстановка в раздевалке была очень проста: светлые деревянные панели на стенах, зеркало, душ и крючки для одежды; на скамейке у двери сложены полотенца. Наскоро приняв душ, Клэри натянула колготки, ботинки, джинсовую юбку и новенький розовый свитер. Глянув в зеркало, она заметила, что на колготках дырка, а мокрые волосы спутались, как сальные патлы. Ну никогда ей не удастся выглядеть идеально, как Изабель. Впрочем, Джейс не возражает.

Вернувшись, Клэри застала его и Изабель за разговором куда более ужасным, чем, по мнению Джейса, гибель неизвестного нефилима.

– Поверить не могу! Саймон пригласил тебя в ресторан?! – Джейс убрал маты и теперь стягивал с себя боевое облачение. Изабель чуть в сторонке прислонилась к стене, поигрывая новыми перчатками. – Я-то думал, он позовет тебя смотреть, как они с дружками-ботанами играют в «World of Warcraft».

– Я, – подала голос Клэри, – один из его дружков-ботанов. Спасибо, Джейс.

Джейс ухмыльнулся.

– Да не в ресторан мы ходили, в кафешку. Саймон очень просил меня отведать тамошний розовый суп, – задумчиво произнесла Изабель. – Он был такой милый.

Клэри почувствовала укол вины за то, что Изабель – и Джейс – не знают о Майе.

– Саймон сказал, вы хорошо провели время.

Изабель стрельнула в ее сторону взглядом, в котором на миг проявилось странное выражение: будто Изабель что-то скрывает. Или Клэри показалось?

– Ты с ним уже говорила?

– Ага, Саймон звонил пару минут назад. Просто поболтать. – Клэри пожала плечами.

– Ясно. – Голос Изабель вдруг сделался резким и холодным. – В общем, Саймон милашка. Пожалуй, даже слишком милый. Утомляет. – Она спрятала перчатки в

карманы. – Ну и ладно, у нас же ничего серьезного. Мы так, забавы ради встречаемся.

Чувство вины как рукой сняло.

– А вы еще не разговаривали про... ну, про эту самую серьезность?

Изабель в ужасе посмотрела на Клэри:

– Нет, конечно! – Зевнув, она потянулась по-кошачьи. – Ладно, спать пойду. До встречи, голубки.

Изабель развернулась и ушла, оставив после себя ароматный след жасминовых духов.

Джейс посмотрел на Клэри. Броня на нем была расстегнута. (Крепилась куртка на запястьях и на спине.)

– Тебе, наверное, домой пора? – сказал Джейс.

Клэри неохотно кивнула. Ей стоило огромных трудов выпросить у матери разрешение на тренировки. Джослин уперлась рогом – дескать, всю жизнь она берегла Клэри от мира Охотников, ведь он опасен и жесток, ведет к отчуждению. Всего год назад Джослин предупредила: если Клэри ступит на путь нефилима, ей откажут в праве разговаривать с матерью. Клэри ответила: мол, со времен молодости Джослин Конклав многое пересмотрел, да и вообще, надо учиться самообороне.

– Надеюсь, дело не только в Джейсе, – сдаваясь, сказала тогда Джослин. – Я знаю, каково это – влюбиться. Хочешь быть рядом с дорогим тебе человеком – везде и всегда. Клэри...

– Я не ты, – сдерживая гнев, отвечала дочь. – Сумеречные охотники – не Круг, Джейс – не Валентин.

– О Валентине я и словом не обмолвилась.

– Зато подумала о нем. Валентин, может, и вырастил Джейса, но Джейс на него ни капли не похож.

– Надеюсь, что не похож, – мягко отвечала Джослин. – Ради всех нас, надеюсь.

Она поставила условия: Клэри не переселится в Институт, а останется жить у Люка; каждую неделю Мариза будет отчитываться об успехах Клэри. (Мать, наверное, хочет удостовериться, что дочь и правда занимается, не пялясь на Джейса целый день влюбленными глазами... или чего там еще Джослин боится?) И еще: Клэри нельзя оставаться в Институте на ночь.

– Никаких ночевок под одной крышей с твоим парнем, – строго-настрого запретила Джослин. – И плевать, что он живет в Институте. Нельзя, и точка.

Твой парень... Клэри все никак не могла привыкнуть. Полтора месяца назад их с Джейсом союз казался невозможным, они с Клэри могли быть друг другу лишь братом и сестрой. Сама мысль о невозможности любви представлялась невыносимой. Они вместе решили, что проще не видеться вовсе, чем медленно умирать, будучи одновременно и рядом, и порознь. Потом вдруг случилось чудо, и Клэри с Джейсом получили свободу от запрета.

– Мне домой пора, – сказала Клэри. – Время почти одиннадцать. Мама злится, если я задерживаюсь дольше, чем до десяти.

– Ладно. – Джейс скинул куртку и остался в тонкой футболке. Сквозь ткань, будто чернильные полосы через мокрую бумагу, проступали Знаки. – Идем, провожу.

В Институте стояла полная тишина: ни гостей-Охотников из других городов, ни Роберта, отца Изабель и Алека, – он отбыл в Идрис, помогает создавать новый Совет; Ходж и Макс ушли навсегда; Алек сейчас с Магнусом. Обитатели Института словно гостили в полузабытом отеле. Вот бы почаще заглядывали другие члены Конклава, но они на время предоставили Лайтвудов самим себе. Чтобы те успели избыть горе по Максусу.

– От Алека и Магнуса вестей нет? – спросила Клэри. – Как они время проводят?

– Да вроде неплохо. – Достав из кармана телефон, Джейс передал его Клэри. – Алек присылает мне противные эсэмэски. Сплошные виды с подписями типа: «Тебя бы сюда... в проекции».

– Могу его понять. У них с Магнусом романтическое путешествие.

Листая фотографии на телефоне у Джейса, Клэри хихикала. Вот Алек и Магнус на фоне Эйфелевой башни: Алек в джинсах, а Магнус в полосатом свитере, кожаных штанах и невероятном берете. В садах Боболи Алек носил бесшменные джинсы, а Магнус – широченный венецианский плащ и шляпу гондольера. В них маг походил на призрака оперы. У музея Прадо Магнус снялся в сверкающей куртке матадора и туфлях на платформе; Алек мирно кормил голубей на заднем фоне.

– Отдай телефон, пока не началась индийская серия фоток, – сказал Джейс. – Там Магнус в сари... Такое захочешь – не забудешь.

Клэри рассмеялась. Тем временем они подошли к лифту. Джейс нажал кнопку вызова, и решетки со скрипом разъехались. Клэри вошла в кабину, Джейс последовал за ней. В тот миг, когда лифт поехал вниз – к толчку, которым начинался спуск, Клэри, наверное, никогда не привыкнет, – он в полумраке шагнул навстречу девушке и привлек ее к себе. Слегка толкнув Джейса в грудь и ощутив твердость мышц, биение сердца, Клэри посмотрела ему в светящиеся золотом глаза:

– Прости. Я не могу остаться.

– Не жалей. – Джейс говорил резко, даже с какой-то горечью, смутившей и напугавшей Клэри. – Джослин не хочет, чтобы ты уподобилась мне. Я ее понимаю.

– Что с тобой? – смущенно проговорила девушка.

Джейс крепко обнял ее и приник губами к ее губам. Клэри спиной прижалась к холодной рамке зеркала, и руки Джейса скользнули ей под кофту, обвили вокруг талии. Клэри нравилось, когда Джейс ее так обнимает – бережно и не слишком нежно, чтобы Клэри вдруг не подумала, будто он сдерживается больше, чем она. Они оба не могли себя сдерживать, и Клэри это нравилось.

Нравилось чувствовать грудью биение сердца любимого, нравилось, как Джейс шепчет, пока она его целует.

Лифт со скрежетом остановился, решетки раздвинулись. В полутьме нефа, освещенного лишь рядом канделябров, Клэри прижалась к Джейсу, радуясь, что не видит в зеркало своей красной мордашки.

– Может, я и останусь, – прошептала она. – Задержусь ненадолго.

Джейс не ответил. Ощувив в нем напряжение, Клэри сама подтянулась. Дело вовсе не в желании, не в возбуждении. Уткнувшись ей в шею, Джейс дрожал всем телом.

– Джейс, – позвала Клэри.

Он резко отстранился и отступил на шаг. Щеки его пылали румянцем, а в глазах горел лихорадочный огонь.

– Нет, – произнес Джейс. – Не хочу давать твоей матери очередной повод меня ненавидеть. Она и без того думает, будто во мне воплотился отец...

Он разомкнул объятия, и Клэри не успела сказать: «Валентин тебе не отец». Джейс если и вспоминал Валентина Моргенштерна, обычно старался не называть его отцом. Клэри тоже о нем не говорила и скрывала, что Джослин и правда подозревает в Джейсе скрытые черты Валентина. Клэри вообще по возможности держала Джейса и маму порознь.

Джейс открыл дверь лифта.

– Я люблю тебя, Клэри, – не оборачиваясь, произнес он, глядя на ряды скамеек, на канделябры, и пламя свечей золотом отражалось в его глазах. – Сильнее, чем... Боже, сильнее, чем следовало бы. Ты и сама видишь.

Выйдя из лифта, Клэри обернулась к Джейсу. Хотелось сказать тысячу разных вещей, но он уже надавил на кнопку верхнего этажа. Двери сомкнулись, и лифт пошел обратно на уровень Института. На створках шахты был изображен Ангел: раскинув крылья, он смотрел вверх. Изображения Ангела в церкви имелись

повсюду.

– И я тебя люблю, – ответила Клэри. Ее голос отозвался тихим эхом.

3

Да отмстится им всемеро

– Знаете, в чем реальная круть? – сказал Эрик, откладывая барабанные палочки. – У нас в группе вампир. Он-то и сделает нас ваще знаменитыми.

Опустив микрофон, Керк закатил глаза. Эрик постоянно трещит о том, как группа делается «ваще знаменитой», хотя на деле им удалось дать всего один концерт на прядильной фабрике. Пришло аж четыре человека, включая маму Саймона.

– Интересно, как мы станем знаменитыми, если его тайну нельзя раскрывать?

– Да, тупик, – заметил Саймон, сидевший на колонке подле Клэри. Та строчила эсэмэску (и скорее всего, Джейсу). – Вам так и так не поверят. Вот же я, стою под солнцем.

Он поднял руки навстречу солнечному свету, падающему сквозь дыры в крыше. (Репетировала группа в гараже у Эрика.)

– Нашей популярности это не на пользу, – сказал Мэтт, убирая с глаз рыжую челку и щурясь на Саймона. – Может, клыки бутафорские наденешь?

– Бутафорские ему на фиг не нужны, – опустив телефон, раздраженно напомнила Клэри. – У него настоящие есть, и вы их видели.

Чистая правда. Когда Саймон только раскрыл друзьям свой секрет, в качестве доказательства пришлось показать клыки. Сначала ребята решили, будто Саймон головой ударился и умом повредился, но стоило обнажить клыки, как

приятели обступили Саймона плотным кругом. Эрик даже объявил, что нисколько не удивлен:

– Я знал, что вампиры существуют, чувак. Есть же типы, они, ну... как бы это... не меняются. Им сто лет может быть, а они не стареют. Как Дэвид Боуи. Вампиры!

О том, что Клэри и Изабель – нефилемы, Саймон говорить не стал. В конце концов, секрет – не его. Он и про Майю ничего не рассказывал. В итоге парни из группы сошлись во мнении: Изабель и Майя – две офигенные девчонки, которые непонятно почему согласились встречаться с Саймоном. Керк сказал: это, дескать, эффект заклинания типа «секси-шмекси-вампирекси». Саймон на их пересуды забил гвоздь. Главное, что Изабель и Майя друг о друге не знают.

Пока их удавалось приводить на разные репетиции в разное время.

– Давай ты клыки на сцене покажешь? – предложил Эрик.

– И глава нью-йоркского клана вас убьет, – предупредила Клэри. – Вы в курсе? – Глянув на Саймона, она покачала головой. – Как ты мог раскрыться им? – И сильно понизив голос, добавила: – Они придурки, если ты не заметил.

– Они мои друзья, – пробормотал Саймон.

– Твои друзья – придурки.

– Дорогие мне люди должны знать правду.

– Seriously? – ядовито подхватила Клэри. – Когда откроешься маме?

Не успел Саймон ответить, как в дверь гаража громко постучали. В открывшийся проход полилось еще больше осеннего солнечного света, и Саймон – чисто по привычке – прищурился. Вампирский глаз без труда в долю секунды приспособивался к полной темноте или яркому свету.

В дверном проеме возник темный силуэт. Взглянув нерешительно на записку в руке, затем на группу, незнакомец спросил:

- Привет. Здесь репетирует группа «Ядовитая грязь»?

- Мы теперь «Дихотомический лемур», - ответил Эрик. - А кто спрашивает?

- Меня зовут Кайл. - Незнакомец нырнул в гараж. Выпрямившись, он убрал со лба каштановую челку и протянул Эрику записку: - Вы фронтмена ищете?

- Фига себе! - воскликнул Мэтт. - Мы эту объяву, типа того, с год назад повесили... да. Забыли про нее уже, ну...

- Ваще забыли, - подтвердил Эрик. - По-другому работаем, и вокалист не нужен. Опыт-то есть?

Кайл - высокий и стройный - пожал плечами:

- Да не то что бы... Народ говорит, я петь умею.

Разговаривал он медленно, растягивая слова на калифорнийский манер.

Члены группы озадаченно переглянулись. Почесав за ухом, Эрик попросил:

- Чувак, дай секунду, ага?

- Не вопрос.

Выйдя из гаража, Кайл опустил за собой дверь-жалюзи. На улице он принялся насвистывать мотивчик «Когда придет из-за горы»[5 - «She'll Be Coming 'Round the Mountain», американская песня в стиле фолк. Происходит от негритянского спиричуэла «When the Chariot Comes» («Когда приедет колесница»), в котором поется о Втором пришествии Иисуса Христа.], не особенно, впрочем, попадая в ноты.

- Чё-т я не знаю, - первым высказался Эрик. - Новых брать пока не можем. Нельзя же рассказывать ему про нашего вампира?

- Нет, - согласился Саймон. - Нельзя.

– Ну, – пожал плечами Мэтт. – Фигово. Солист нам нужен, из Керка фронтмен никакой. Без обид, Керк.

– Сам ты никакой, – ответил Керк. – Нормально я пою!

– Нет, поешь фигово, как большая волосатая...

– По-моему, – повысив голос, вмешалась Клэри, – Кайлу стоит дать шанс.

– С чего бы? – уставился на нее Саймон.

– Он секси, – к немалому удивлению Саймона, ответила Клэри. Сам он не заметил в Кайле ничего особенного, но ведь Саймон не ахти какой ценитель мужской красоты. – Вашей группе сексапила как раз и не хватает.

– Спасибо, – произнес Саймон. – От имени всей нашей группы спасибо тебе огромное.

Клэри раздраженно выдохнула:

– Да, да, парни, все вы красавцы. Особенно ты, Саймон. – Она похлопала вампира по руке. – Но Кайл просто сногшибателен. Поверьте. Вот вам мое объективное женское мнение: если примите Кайла в команду, количество юных слушательниц сразу удвоится.

– То есть фанаток у нас станет сразу две, – резюмировал Керк.

– У нас есть фанатка? – искренне удивился Мэтт.

– Подружка кузины Эрика. Как там ее? Она по Саймону сохнет. Приходит на все наши концерты и говорит, типа, она его подружка.

– Ей всего тринадцать. – Саймон поморщился.

– Все твоя секси-магия, чувак, – напомнил Мэтт. – Девки перед тобой устоять не могут.

– Бога ж ради! – простонала Клэри. – Нет никакой вампирской секси-магии. – Она резко ткнула пальцем в сторону Эрика: – Только не говори, что «Секси-шмекси-вампирекси» – это клевое название для группы. Не то я...

Дверь гаража поднялась, и внутрь заглянул Кайл:

– Э, парни? Если вам солист не нужен, я не в претензии. Звучание там сменили, стиль... чего не бывает. Просто скажите, и я уйду.

Склонив голову набок, Эрик пригласил его:

– Заходи и покажи, на что способен.

Саймон принялся разглядывать Кайла: что же в нем такого сексапильного? Рослый, плечи широкие, стройный; высокие скулы, на лоб и на шею ниспадают вьющиеся каштановые локоны; кожа смуглая, летний загар еще не сошел. Ярко-зеленые глаза в обрамлении длинных густых ресниц... И правда, смазливый. Настоящая рок-звезда. На Кайле были приталенная зеленая футболка и джинсы; на руках красовались татуировки – не Знаки, просто уходящие змейкой под рукава надписи.

Ладно, парень и впрямь не урод.

– Знаете, – нарушил молчание Керк. – Он и правда красавчик.

Поморгав, Кайл уставился на Эрика:

– Так мне спеть или уйти?

Сняв микрофон со стойки, Эрик отдал его Кайлу:

– Давай засвети, чего можешь.

* * *

– Он и правда здорово поет, – признала Клэри. – Я-то шутила, предлагая взять Кайла в группу, и вон как все обернулось.

Они с Саймоном шли по Кент-авеню в сторону дома Люка. Небо из голубого сделалось серым, над Ист-Ривер висели низкие облака. Клэри вела затянутой в перчатку рукой по сетчатому забору у бетонной набережной.

– Ты так думаешь, потому что Кайл красавчик.

Клэри смущенно улыбнулась:

– Красавчик, да не самый-пресамый...

А самый-пресамый у нас, конечно, Джейс. Спасибо Клэри, не стала его упоминать. Вместо этого она продолжила:

– Просто показалось, что неплохо бы взять в группу Кайла, честно. Если Эрик с парнями не смогут болтать при Кайле о твоей истинной сущности, они постепенно вовсе о ней судачить перестанут. Оставят глупую затею.

Саймон уже видел через дорогу дом Люка: окна горели желтым на фоне опускающейся темноты. Встав у прохода в заборе, Клэри спросила:

– Помнишь, как мы дрались с демонами? На этом самом месте?

– Это вы с Джейсом дрались. Я блевал в сторонке.

Бой Саймон вспомнил, но не думал о нем. Он размышлял о Камилле, о ее словах: «Сейчас тебе не нужны приятели, кроме тех, что уже есть: люди, нефилимы...» Саймон искоса взглянул на Клэри. Интересно, как она отреагирует на рассказ о встрече с главой манхэттенского клана вампиров? О деловом предложении? Скорее всего, испугается. Защита Печатью не отменяет тревогу за жизнь друга.

– Больше тебе врагов бояться не надо. – Клэри словно прочитала мысли Саймона. – У тебя есть Печать. – Облокотившись на забор, она спросила: – Люди, поди, интересуются, что это за рисунок у тебя на лбу?

Саймон покачал головой:

– Челка скрывает его. К тому же Метка почти стерлась. Смотри. – И он убрал со лба волосы.

Коснувшись головы Саймона, Клэри посмотрела на него тем же печальным взглядом, с каким помечала друга древнейшим из проклятий:

– Не болит?

– Нет. Совсем не болит. – «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно». – Знаешь, я не в обиде. Ты мне жизнь спасла.

– Помню. – Глаза у Клэри заблестели. Утерев лицо тыльной стороной ладони, она сказала: – Черт, ненавижу плакать.

– Пора привыкать, – ответил Саймон и, глядя в округлившиеся глаза приятельницы, добавил: – Я про свадьбу. Она когда? В следующую субботу? На свадьбах все плачут...

Клэри фыркнула.

– Как там твоя мама и Люк, кстати?

– По уши в любви, аж смотреть противно. Ну ладно... – Клэри похлопала Саймона по плечу. – Пора мне. До завтра.

Саймон кивнул:

– Ага, до завтра.

Он посмотрел вслед Клэри, как она поднимается по крыльцу к входной двери. Завтра... Давно ли они с Клэри расставались больше чем на день? И каково это – скитаться по миру и не иметь пристанища? «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли...»[6 - Бытие, 4:10.] Саймон не убивал брата, но проклятию-то все едино. Странно ожидать потерь, не зная при этом, потеряешь ты все или нет.

Дверь за Клэри закрылась, и Саймон отправился вниз по Кент-авеню к станции подземки на Лоример-стрит. Тьма сгущалась, и в небе над головой смешивались черные и серые краски. Услышав позади скрип шин, Саймон не обернулся. Несмотря на трещины и выбоины на местной дороге, машины носились по ней с сумасшедшей скоростью. Саймон обернулся, лишь когда рядом остановился синий фургон.

Выдернув ключ из замка зажигания, водитель – высокий мужчина в серой спортивке и надвинутом на лицо капюшоне – резво вылез наружу. В руке у него поблескивал длинный нож.

Саймон запоздало сообразил, что надо сматываться. Он вампир и обогнать способен любого. Но он растерялся и тупо смотрел, как мужчина с ножом приближается. Незвестный гортанным голосом произнес фразу на непонятном языке.

Саймон попятился.

– Послушайте, – потянулся он за бумажником. – У меня есть деньги...

Неизвестный кинулся на Саймона, метя ножом в грудь. Выпучив глаза, Саймон смотрел, как острие медленно, будто при замедленной съемке, приближается к цели. Вот оно вспороло куртку и в следующий миг ушло в сторону – словно кто-то отвел руку нападавшего. Сам мужчина с воплем отлетел, как марионетка, которую дернули за ниточки. Саймон огляделся: кто-нибудь наверняка слышал крики. Нет, вокруг ни души. Только неизвестный вопил, извиваясь в воздухе; рубашка у него на груди рвалась...

В ужасе вампир смотрел, как на теле мужчины открываются глубокие раны. Голова запрокинулась, изо рта хлынула кровь. Мужчина резко умолк и, затихнув, упал на асфальт, как будто невидимая рука отпустила его. Коснувшись земли, он стеклом рассыпался на мириады осколков.

Саймон рухнул на колени. Рядом – руку протяни – осталось лежать орудие несостоявшегося убийства. От покушенца осталась кучка сверкающих кристалликов – налетевший ветер понес их прочь по мостовой. Осторожно подняв один такой кристаллик, Саймон пригляделся к нему. Соль.

Руки у Саймона затряслись. Он понял, что стало с нападавшим и почему.

«И сказал ему Господь (Бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро».[7 - Бытие, 4:15.]

Вот она какая, семикратная месть.

Саймон сбил кровь, не успев добежать до водостока.

* * *

Ступив на порог дома, Саймон понял, что просчитался. Думал, мать уже спит, но Элейн Льюис ждала его, сидя в кресле напротив входной двери. Рядом на столике лежал телефон. Кровь на куртке сына она заметила моментально.

К удивлению Саймона, мать не закричала. Только прикрыла рот ладонью:

- Саймон...

- Это не моя, - быстро произнес он. - У Мэтта на репетиции кровь носом пошла...

- Слышать не желаю. - Так резко мать не говорила с тех пор, как умер отец. Страх чувствовался в ее словах. - Хватит вранья.

Саймон отложил ключи на столик:

- Мам...

- Ты только и делаешь, что лжешь мне. Я устала.

- Ты не права, - возразил Саймон, ощущая дурноту. Мама-то как раз и права. - Просто в жизни у меня многое происходит.

- Знаю. - Она встала из кресла. Полнотой миссис Льюис никогда не отличалась. И сейчас эта жилистая женщина смотрела на сына; в обрамляющих лицо темных

кудрях у нее проступило еще больше седины. – Идем со мной, юноша. Ну!

Озадаченный, Саймон проследовал за ней в маленькую, ярко-освещенную кухню. Указав на стойку, Элейн Льюис спросила:

– Не потрудишься объяснить?

Во рту пересохло. Выстроенные в ряд, словно игрушечные солдатики, на стойке поблескивали бутылочки с кровью: одна наполовину полная, остальные залитые под горлышко. Опорожнив потайной холодильник, мать не поленилась вытащить и пустые бутылки, которые Саймон аккуратно складывал в магазинный пакет перед тем, как выбросить в мусорный контейнер. Показывая на отвратительную композицию из улик обвинения, Элейн Льюис дрожащим голосом произнесла:

– Я решила, что в бутылках вино. Потом нашла сумки. Откупорила одну бутылку... В них кровь, так ведь?

Саймон не отвечал. Дар речи его покинул.

– Ты странно ведешь себя в последнее время, Саймон. Редко бываешь дома, почти не ешь, не спишь. Друзья у тебя странные – не рассказываешь о них, не знакомишь со мной. Как будто я не слышу лжи в твоём голосе! Нет, Саймон, еще как слышу. Сначала я подумала, что ты употребляешь наркотики.

– И обыскала мою комнату? – заговорил наконец Саймон.

Мать вспыхнула:

– Пришлось! Найдись у тебя наркотики, я могла бы помочь, отправила бы тебя лечиться. Но это... – она вновь указала на бутылки, – я даже не знаю, что думать. В чем дело, Саймон? Ты вступил в секту?

Саймон покачал головой.

– Тогда объясни, – велела мать. Губы у нее дрожали. – Мне в голову приходят страшные мысли. Страшные и отвратительные. Саймон, прошу тебя...

– Я вампир. – Саймон и сам не понял, как – или, скорее, зачем – произнес эти слова, однако вот они, повисли в воздухе подобно ядовитому газу.

Колени у миссис Льюис подкосились, и она рухнула в кухонное кресло.

– Что ты сказал? – еле слышно спросила она.

– Я вампир. Уже два месяца. Прости, что сразу не объяснил. Я не знал как...

Лицо Элейн Льюис сделалось белым как мел.

– Вампиров не бывает, Саймон.

– Нет, они существуют. Я не хотел таким становиться, меня укусили. Спрашивать моего желания никто не собирался. Будь у меня шанс, я бы все изменил.

Вспомнилась брошюра, которую так давно показывала Клэри, о том, чтобы открыться родителям. Тогда Саймон посмеялся...

– Тебе кажется, что ты вампир, – глухо произнесла мама. – Кажется, что ты пьешь кровь.

– Я и правда пью кровь. Кровь животных.

– Ты вегетарианец! – Мать едва не зарыдала.

– Теперь нет. Я не старею, и мне нужна только кровь. – В горле встал ком. – Человека я ни разу не тронул. И не трону, потому что я – все еще я. Личность никуда не делась.

Мать, казалось, сдерживается из последних сил.

– Твои новые друзья... тоже вампиры?

Изабель, Майя, Джейс... Саймон не сумел бы сейчас объяснить всего: о том, кто такие нефилимы и почему он общается с оборотнями. Это уж слишком.

- Нет. Но они... знают, кто я.

- Это... они дали тебе наркотики? Заставляли принимать что-нибудь? У тебя начались галлюцинации?

Казалось, она не слышит ответов Саймона.

- Нет. Мам, я говорю серьезно.

- Вампиров не существует, - шептала мать. - Тебе только кажется. О боже... Прости, прости, Саймон, я не уследила. Мы поможем тебе, найдем хорошего врача. За любую цену...

- Мне к врачу нельзя, мам.

- Можно. Нужно! Тебя надо отвезти в... в больницу.

Саймон протянул матери руку и закатал рукав:

- Найди у меня пульс.

Мать посмотрела на сына дикими глазами:

- Ч-что?

- Пульс, говорю. Найди у меня пульс. Если он есть, значит, все хорошо, и я пойду с тобой в больницу. Если нет - придется тебе поверить мне.

Утерев слезы, миссис Льюис медленно потянулась к руке сына. После стольких лет ухода за больным супругом она не хуже любой медсестры умела нащупать пульс. Прижав указательный палец к жилке на внутренней стороне запястья Саймона, Элейн Льюис притихла.

Выражение ее лица менялось на глазах: из страдальческого оно стало смущенным, а после - крайне испуганным. Выпустив руку Саймона, мать встала и попятилась. На ее сильно побледневшем лице огромные глаза казались чисто-

черными.

– Да что ты такое?

– Я же говорил, – чувствуя приступ дурноты, произнес Саймон. – Вампир.

– Ты не мой сын. Ты не Саймон. – Мать затрясло. – У всех живых есть пульс. Ты чудовище! Что с моим ребенком?!

– Я Саймон... – Он шагнул к матери.

Она закричала. Прежде Саймон ни разу таких ужасных криков от нее не слышал и услышать вновь не хотел бы.

– Уйди, – надломившимся голосом велела миссис Льюис. – Не приближайся ко мне. – Она перешла на шепот: – Барух ата Адонаи шоме а тфила...[8 - Благословен ты, Господь, внимающий молитве (др. – евр.).]

Вздрагнув, Саймон понял: мать молится. Так боится его, что просит Всевышнего изгнать злой дух. И что хуже всего, молитва действует: при упоминании Господа свело желудок, заболело горло.

Мать права. С болью в душе, Саймон окончательно осознал: он проклят, больше не принадлежит миру живых. Ведь у всех живых есть пульс.

– Мам, – шепотом позвал Саймон. – Мам, хватит.

Не переставая молиться, мать посмотрела на Саймона широко раскрытыми глазами.

– Мам, не расстраивайся так. – Собственный голос прозвучал как будто издалека: такой мягкий, успокаивающий, голос незнакомца. Саймон неотрывно смотрел в глаза матери, как кот смотрит на загнанную в угол мышь. – Ничего страшного. Ты уснула в кресле, и тебе приснился кошмар: я прихожу домой и говорю тебе, якобы я вампир. Это лишь сон, ужасный сон.

Перестав молиться, миссис Льюис моргнула:

– Я сплю.

– И тебе снится кошмар. – Саймон положил руку ей на плечо, и мать не пошевелилась. Только уронила голову на грудь, как усталый ребенок. – Просто сон. Ты ничего не находила у меня в комнате. Мы не ссорились. Тебе все приснилось.

Он взял ее за руку и, отведя в гостиную, усадил в кресло. Миссис Льюис шла покорно. Она даже улыбнулась, когда Саймон укутал ее пледом и закрыл ей глаза.

Вернувшись на кухню, Саймон резво собрал бутылки в мусорный пакет. Плотно завязал его у горлышка и прошел к себе в спальню. Там сменил окровавленную куртку на чистую, побросал кое-какие пожитки в рюкзак. Выключил свет и, прикрыв за собой дверь, вышел.

Когда он проходил через гостиную, мать уже спала. Саймон легонько коснулся ее руки и прошептал:

– Несколько дней меня не будет, но ты не станешь волноваться. Не жди меня домой. Я уехал на школьную экскурсию. Звонить никуда не надо, все хорошо.

Саймон отпустил руку матери. В тусклом свете она смотрелась одновременно и старше, и моложе: миссис Льюис напоминала маленького ребенка, свернувшегося калачиком в кресле под теплым пледом. Однако на лице у нее проступили новые морщины, которых Саймон прежде не видел.

– Мам, – прошептал он, снова беря ее за руку.

Миссис Льюис поерзала, и Саймон, не желая будить ее, бесшумно поспешил прочь. Взял со столика в прихожей ключи и вышел на улицу.

* * *

Последние дни в Институте царила непривычная тишина. Джейс взял привычку оставлять окно на ночь открытым: слушал шум дорожного движения, редкие

сирены «скорых» и гудки клаксонов на Йорк-авеню. Слушал звуки, недоступные уху примитивных, и звуки эти просачивались сквозь тьму ночи в его сны: шелест воздуха от мчащихся вампирских байков на адском топливе, трепетание крыльев фей, далекий волчий вой в полнолуние.

Сейчас в небе висела половинка серебристого диска, и света как раз хватало для чтения. Лежа на кровати, Джейс перебирал содержимое отцовской шкатулки: стило, охотничий кинжал с серебряной рукояткой и инициалами «С.В.Э.» на ней и, наконец, самое интересное – стопка писем.

За последние полтора месяца Джейс привык прочитывать в день одно-два письма. Он желал хотя бы отдаленно представить, каким был его родной отец. И вот перед мысленным взором постепенно стал прорисовываться портрет задумчивого юноши из строгой, консервативной семьи, примкнувшего к Валентину и Кругу. Стивен углядел возможность выделиться среди равных. Даже после развода он продолжал писать Аматис (о чем та ни разу не упомянула): в посланиях к бывшей жене проглядывали разочарованность в Валентине и отвращение к делам Круга. О новой жене Стивен если и писал, то немного и вскользь. Оно и понятно – вряд ли Аматис захотела бы читать о сопернице, зато Джейс испытывал легкую ненависть к отцу. Зачем жениться на нелюбимой женщине? Зачем оставаться в Кругу, если презираешь его членов? Валентин хоть и был безумцем, но своим принципам оставался верен.

В моменты, когда Джейс ставил Валентина выше отца, он чувствовал себя особенно плохо. Что он за сын такой?!

Стук в дверь прервал сеанс самоедства. Джейс пошел открывать, ожидая увидеть Изабель: пришла, наверное, одолжить чего-нибудь или поплакаться.

На пороге стояла Клэри, одетая не совсем обычно: черная майка с большим вырезом, поверх нее не застегнутая, просто завязанная узлом на пупке белая блузка и юбка выше колена, открывающая стройные ножки. Ярко-рыжие волосы Клэри заплела в косички; свободные прядки липли к вискам, как будто девушка попала под дождь.

При виде Джейса она улыбнулась и вскинула брови медного оттенка (как и обрамляющие зеленые глаза ресницы):

– Впустишь?

Оглядев коридор и никого не заметив – слава богу! – Джейс за руку втянул Клэри к себе в комнату. Привалившись спиной к двери, спросил:

– Ты что здесь делаешь? Что-нибудь случилось?

– Нет, все замечательно. – Скинув туфли, Клэри опустилась на край кровати. Оперлась на руки и слегка откинулась назад. При этом подол юбки пополз вверх, отчего Джейс окончательно смутился. – Соскучилась по тебе. Мама и Люк спят, не заметят моего отсутствия.

– Не следовало тебе приходить, – простонал Джейс. Противно было произносить эти слова, но что поделаешь? Есть вещи, о которых Клэри не знает и – даст бог – не узнает.

– Ладно, если хочешь – уйду. – Клэри поднялась с кровати. Ее зеленые глаза заблестели. Подойдя к Джейсу, она сказала: – Я примчалась к тебе посреди ночи. Хотя бы поцелуй на прощание.

Притянув Клэри к себе, Джейс поцеловал ее. Есть на свете безумства, совершать которые необходимо. Тело Клэри изогнулось в руках Джейса, как мягкий податливый шелк. Он распустил ей косы, и волосы упали на плечи девушке свободными прядями – ему так хотелось сделать это еще в первую встречу, но тогда Джейс прогнал мысль, казавшуюся ему безрассудной. Клэри была для него примитивной, чужачкой – зачем такая нефилиму?! А потом они поцеловались в парнике, и Джейс чуть не сошел с ума от счастья. Вдвоем они спустились вниз, но тут появился Саймон... Еще никого Джейс так не хотелось убить. Ничего плохого Саймон не сделал, однако Джейс в ту секунду почти не соображал. Мысль, что Клэри уйдет с другим, напугала сильнее любого, самого страшного демона.

Когда же Валентин сказал, что Джейс и Клэри – брат и сестра, Джейс понял: есть вещи ужаснее. Его любовь оказалась грехом чуть ли не вселенского масштаба; самое чистое и безупречное в его жизни вдруг обернулось самым непростительным. Отец говорил: когда ангелы пали, их муки были безграничны, ибо падшим не суждено вновь узреть лик Божий. И Джейс понимал, чувствовал силу их боли. Желание нисколечко не ослабло, лишь обратилось пыткой.

Порой тень того мучения омрачала воспоминания, даже когда Джейс целовал Клэри – вот как сейчас. Он обнял ее с новой силой. Удивленно охнув, девушка, однако, не воспротивилась. Оторвав Клэри от пола, Джейс перенес ее на кровать.

Комкая письма, они устроились на матрасе. Освобождая место, Джейс отпихнул в сторону шкатулку. Сердце пойманной птицей колотилось о ребра. Еще никогда они с Клэри не ложились вместе в кровать. Та ночь в Идрисе не в счет, тогда они только держались за руки. Джослин тщательно следила за дочерью, не позволяя той провести ночь наедине с возлюбленным. Ей плевать на Джейса. И правильно, на ее месте Джейс и сам не больно обращал бы внимание на свои чувства.

– Люблю тебя, – шептала Клэри, стаскивая с Джейса рубашку и проводя пальцами по шрамам у него на спине и особенно нежно по звездообразному шраму на плече. Точно такой – наследие ангельской крови – имелся и у нее. – Будь со мной, не оставляй...

Одной рукой Джейс потянулся распустить узелок на блузке, второй нащупал кинжал на кровати. Должно быть, оружие выпало из шкатулки.

– Мы ни за что не расстанемся.

Клэри посмотрела на него блестящими глазами и спросила:

– Ты так уверен?

Стиснув рукоять кинжала, Джейс поднял его. Лунный свет отразился от клинка.

– Да, уверен, – сказал Джейс и нанес удар. Лезвие вспоролось плоть как бумагу. Губы Клэри сложились в удивленное «О», и алая кровь окрасила белую блузку.

Господи милосердный, опять...

Просыпаясь от кошмара, Джейс словно пролетал сквозь витражное окно. Лицо будто секло осколками. Задыхаясь, он сел на кровати, инстинктивно перекатился на бок, пытаясь спастись от остатков сна, и рухнул на каменный пол. В открытое окно врвался холодный ветер, заставляя дрожать и в то же

время помогая вырваться из липких щупалец сновидений.

Крови на руках Джейс не увидел. Постель скомкалась: простыня, одеяло – все в одну кучу. И только отцовская шкатулка спокойно стояла на прикроватной тумбочке, куда Джейс аккуратно отложил ее перед сном.

Первое время Джейса рвало. Наученный опытом, он старался не есть за несколько часов до сна. Лишенное пищи, тело отыгрывалось по-своему: Джейса скручивало от жестоких спазмов и сухих рвотных позывов.

Когда приступ прошел, Джейс прижался лбом к холодному камню пола. Пот постепенно остывал, рубашка липла к телу. Как бы эти сны в конце концов его не убили... В попытках избавиться от них Джейс перепробовал все доступные средства: обычное снотворное и зелья, руны сна и руны умиротворения, лечащие руны – ничего не помогало. Сны отравой проникали в разум, и ничто не могло их вывести.

Даже в часы бодрствования Джейс не мог спокойно смотреть на Клэри, а она видела его насквозь, как никто другой. Что она подумает, узнав, какие сны видит возлюбленный?! Перекатившись на бок, Джейс посмотрел на искрящуюся отраженным светом шкатулку и вспомнил Валентина. Валентина, посадившего под замок и пытавшего единственную любимую женщину, научившего сына – обоих сыновей, – что любить значит убивать.

«Я не Валентин. Не хочу становиться таким, как он, и не стану. Не стану».

Джейс повторял эти слова снова и снова, и мысли вращались в голове бешеным вихрем. Отцовская аксиома стала для него мантрой, и, как в любой мантре, слова постепенно утратили изначальный смысл.

Он вспомнил Себастьяна, то есть Джонатана, своего, так сказать, брата. Вспомнил злобный оскал на обрамленном спутанными прядями серебристых волос лице; его глаза, мерцающие огнем беспощадной злобы. Вспомнил, как вонзил ему в спину нож. И как потом мертвое тело поплыло вниз по реке. Как темная кровь мешалась с травой, илом на берегу, тиной и водорослями.

«Я не Валентин».

Джейс нисколько не жалел об убийстве. Выпади ему шанс – снова убил бы Себастьяна.

«Не хочу становиться таким, как он».

Однако неестественно убить – убить сводного брата – и ничего после не чувствовать.

«И не стану».

Правда, отец учил: беспощадное убийство – великое умение. Уроки родителей не так-то легко забываются.

«Я не стану таким, как он».

И люди редко меняются.

«Я не стану...»

4

Бой восьми конечностей

«В СТЕНАХ ЭТОГО СВАТИЛИЩА

ХРАНЯТСЯ УСТРЕМЛЕНИЯ ВЕЛИКИХ СЕРДЕЦ

И БЛАГОРОДНЫЕ СВЕРШЕНИЯ, ЧТО ВОЗВЫШАЮТСЯ

НАД МИРСКОЙ СУЕТОЙ, ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА,

ЧТО ЗАСТАВЛЯЛИ СВЕТИТЬ ЗВЕЗДЫ,

И БЕССМЕРТНЫЕ ЗНАНИЯ».

Саймон смотрел на выбитую в камне, тускло поблескивающую надпись – приветствие над входом в Бруклинскую публичную библиотеку. Сидя на нижней ступени крыльца, вампир следил, как каждое слово оживает в свете фар проезжающих мимо машин.

Ребенком Саймон очень любил сюда наведываться. Сбоку в здании имелся отдельный вход для детей. Встречаясь возле него по субботам, Клэри и Саймон проходили внутрь и, набрав по стопке книг, выбегали в Ботанический сад. Там, на лужайке, часами читали под шум отдаленного дорожного движения.

Саймон сам не заметил, как дошел до библиотеки. Дом он покидал в большой спешке и только на улице понял: податься-то некуда! Пойти к Клэри? Нет, она придет в ужас и отправит Саймона назад, улаживать разногласия с матерью. Эрик и парни из группы попросту не поймут. Джейс его недолюбливает, да и вообще, Институт, церковь и обиталище нефилимов – не место для нежити. Оставался последний вариант, до того неприятный, что Саймон не сразу – и скрепя сердце – на него решился.

Из-за поворота, перекрывая шум на Гранд-Арми-Плаза, донесся рев мотоциклетного движка. Накренившись, байк миновал перекресток и въехал на тротуар. Водитель чуть попятился и выставил подножки. Саймон отошел в сторону, давая адской технике приземлиться. Рафаэль выпустил руль, и двигатель моментально затих. Вампирские мотоциклы пугали Саймона: питаемые демоническим духом, они, как питомцы, слушались воли хозяина.

– Искал встречи, светолуб? – В черной куртке и дорогих джинсах, Рафаэль, как всегда элегантный, спрыгнул на землю и прислонил байк к перилам крыльца. – Надеюсь, повод достойный. Мне не так-то просто выбираться в Бруклин. Это не территория Рафаэля Сантьяго.

– Вот как... Начинаешь говорить о себе в третьем лице. Мания величия тебе не грозит.

Рафаэль пожал плечами:

– Либо выкладывай, зачем звал, либо я уезжаю. – Он посмотрел на часы. – У тебя тридцать секунд.

– Я открылся матери.

Рафаэль выгнул очень тонкие и темные брови. Порой в хмуром настроении Саймону казалось, что Рафаэль их себе нарисовал.

– И что дальше?

– Мать назвала меня чудовищем и попыталась изгнать молитвой. – От воспоминаний Саймон ощутил в горле горький привкус старой крови.

– А после?

– После... я сам не уверен. Я заговорил с ней таким тихим, успокаивающим тоном. Сказал матери, что ничего не случилось, что она спит и видит сон.

– Она повелась?

– Повелась, – неохотно подтвердил Саймон.

– Иначе и быть не могло. Ты же вампир, и у тебя есть дар очарования. Энканто. То, что у людей называется даром убеждения. Если научишься правильно использовать свои силы, то сможешь убедить любого примитивного в чем угодно.

– Я не хотел так поступать с матерью. Можно обратить чары вспять? Исправить содеянное?

– Чтобы мама вновь тебя возненавидела? Ты для нее монстр. Странно ты понимаешь исправление содеянного.

– По барабану. Так есть способ... нет?

– Нет, – задорно ответил Рафаэль. – Способа обратить чары не существует. Ты мог бы узнать и это, и многое другое, если б не питал к своему роду такой лютой ненависти.

– Правильно. Ведь ты не хотел меня убить.

Рафаэль пожал плечами:

– Момент чисто политический. Ничего личного. – Облокотившись на перила крыльца, Рафаэль скрестил на груди руки. В черных мотоциклетных перчатках он выглядел довольно круто. – Только не говори, что позвал меня ради скучной истории про стычку с сестрой.

– С матерью.

– Плевать! – Рафаэль отмахнулся. – Суть: тебя отвергла важная для тебя женщина. Не в последний раз, позволь заверить. Зачем ты мне жалуешься?

– Я могу поселиться в «Дюморе»? – очень быстро, чтобы не остановиться на полуфразе, выпалил Саймон. Невероятно, он просит приюта у Рафаэля! Заброшенная гостиница у Саймона всегда ассоциировалась с кровью, страхом и болью, однако именно в «Дюморе» можно остаться, и никто не будет искать там Саймона. И не надо возвращаться домой. Саймон – вампир, глупо ему теперь бояться гнезда. – Мне больше некуда идти.

Рафаэль блеснул глазками.

– Ага! – победно произнес он, и Саймону его тон не понравился. – Ты просишь у меня.

– Можно и так сказать. Хотя твой восторг по этому поводу меня пугает.

Рафаэль фыркнул:

– Если поселишься в «Дюморе», то Рафаэлем меня звать не будешь. Я стану для тебя хозяином, господином, великим предводителем.

Саймон обхватил себя руками:

– А что Камилла?

– В каком смысле? – насторожился Рафаэль.

– Ты говорил, что клан принадлежит не тебе, – мягко напомнил Саймон. – В Идрисе ты упомянул некую Камиллу, якобы ее пока нет. А вот когда вернется, настоящим хозяином – или кем там – станет она, ведь так?

Взгляд Рафаэля потемнел.

– Что-то не нравятся мне твои вопросы, светолуб.

– Имею право знать о положении вещей.

– Нет, – возразил Рафаэль. – Не имеешь. Просишь открыть для тебя двери моего отеля, потому что больше некуда идти. Не потому, что хочешь примкнуть к своим братьям. Ты сторонишься нас.

– Я уже сказал: когда-то ты пытался меня убить.

– «Дюмор» – не перевалочный пункт для недовампиров. Ты живешь среди людей, свободно расхаживаешь под солнцем и играешь в дурацкой рок-группе... да, представь себе, я знаю о ней. Каждым аспектом повседневной жизни ты отвергаешь свое истинное существо. До тех пор, пока не примешь себя, двери «Дюмора» для тебя закрыты.

Вспомнились слова Камиллы: «Вместе мы войдем в его крысиную нору, в отель, и, как только его приближенные увидят, что ты со мной, они сразу вернутся ко мне. Я верю: мои подданные верны мне, просто боятся Сантьяго. Мы рассеем страх, вернем клан».

– Знаешь, – произнес Саймон, – мне ведь поступило предложение.

Рафаэль посмотрел на него как на психа:

– От кого это?!

– Так, нашлись... заинтересованные, – вяло ответил Саймон.

– Саймон Льюис, в политике ты просто ничтожен. Не берись за нее больше.

– Да пожалуйста. Я пришел сообщить тебе кое-что, но передумал.

– И сейчас ты, такой обиженный, выбросишь приготовленный для меня подарочек на день рождения? Как трагично! – Рафаэль оседлал мотоцикл, и мотор ожил, из выхлопной трубы полетели красные искры. – В следующий раз придумай убедительный повод для беседы. Больше я не потерплю ложного вызова.

Сказав так, Рафаэль повел байк в небо, улетая, словно ангел, в честь которого получил имя, и оставляя за собой огненный след.

* * *

Положив на колени блокнот для зарисовок, Клэри задумчиво грызла кончик карандаша. Она уже десятки раз пробовала нарисовать портрет Джейса – как иные девочки пишут о своих парнях в дневнике, – однако ни разу не сумела добиться нужного эффекта. Портрет не походил на оригинал. Джейса попросту нельзя было заставить сидеть смирно, поэтому спящим, думала Клэри, нарисовать его будет проще. Тем не менее портрет не получался...

Устало выдохнув и отбросив блокнот, Клэри подтянула колени к груди и посмотрела на спящего Джейса. Быстро же он удрых. Они вдвоем собрались пообедать на свежем воздухе и потренироваться, пока погода хорошая. Выполнить удалось только первый пункт. Клэри оглядела разбросанные у пледа на траве коробочки из-под лапши с кунжутом и вспомнила, как Джейс без аппетита ковырялся в своей порции, как, отложив еду, лег на спину и уставился в небо. В его ясных глазах отражались проплывающие облака. Клэри посмотрела на красивый рельеф закинутых за голову рук, на полоску идеальной кожи в промежутке между краем футболки и поясом джинсов. Подавив желание погладить Джейса по совершенно плоскому животу, Клэри взяла блокнот. Вооруженная бумагой и карандашом, обернулась и застала Джейса спящим:

глаза закрыты, дыхание ровное, медленное.

Сделав три наброска, Клэри ни на йоту не приблизилась к желаемому. Ну почему же не получается? Свет идеальный: мягкое бронзоватое сияние октябрьского солнца бледным золотом ложится на кожу и волосы Джейса. Его смеженные веки окаймлены золотистой тенью, чуть гуще оттенка волос. Одна рука лежит на груди, вторая – на земле, раскрыта. Лицо расслаблено, не такое резкое, как во время бодрствования. Должно быть, в этом загвоздка: обычно Джейс не такой мягкий, и потому сейчас так трудно уловить в его лице знакомые черты.

Тут Джейс пошевелился, его дыхание сделалось прерывистым, глазные яблоки заметались под веками. Рука, что лежала на груди, стиснула невидимый предмет... Джейс неожиданно сел, чуть не толкнув Клэри: глаза открыты, взгляд затуманен, лицо жутко бледное.

– Джейс? – позвала Клэри.

Взглянув на девушку, Джейс резко и грубо притянул ее к себе на колени и неистово впился губами в ее губы, запустив пальцы в волосы. Чувствуя грудью, как колотится сердце у Джейса, Клэри поняла, что краснеет. Это ведь общественный парк! Люди смотрят!

– У-ух! – отстраняясь и растягивая губы в улыбке, выдохнул Джейс. – Прости. Неожиданно я, правда?

– Приятный сюрприз, – низким, хриловатым голосом ответила Клэри. – Что тебе такого приснилось?

– Ты. – Он намотал на палец ее локон. – Мне снишься ты одна.

Все еще сидя у него на коленях, Клэри спросила:

– Правда? Мне показалось, что тебе снится кошмар.

Наклонившись и посмотрев на нее, Джейс ответил:

– Порой мне снится, как ты уходишь. И я все думаю: вот узнаешь, что есть жизнь лучше, и покинешь меня.

Клэри бережно скользнула кончиками пальцев вниз по скулам, по щекам Джейса. Коснулась его губ. Подобные вещи Джейс говорит только ей. Алек и Изабель живут с ним долго, любят его и знают: под броней шуток и притворной заносчивости прячется искалеченная душа. Однако искренность Джейс позволял себе только наедине с Клэри. Покачав головой, девушка поспешила убрать упавшие на лицо локоны.

– Вот бы и мне уметь разговаривать, как ты, – сказала она. – Ты просто идеально подбираешь слова: что ни предложение, то меткая фраза. Слышу ее – и сразу верю: ты меня любишь. Если я не могу убедить тебя, что никогда не уйду...

Схватив ее за руку, Джейс попросил:

– Повтори.

– Я никогда не уйду.

– Что бы ни случилось? Что бы я ни сделал?

– Я тебя не оставлю. Никогда. К тебе я чувствую... – Клэри запнулась. – Ничего главного у меня в жизни не было и не будет.

Черт, глупости-то какие! Правда, Джейс, похоже, другого мнения. Задумчиво улыбнувшись, он произнес:

– «L'amor che move il sole e l'altre stelle».[9 - «...Любовь, что движет солнце и светила» (Данте Алигьери, «Божественная комедия», пер. М. Лозинского).]

– Латынь? – спросила Клэри.

– Итальянский. Это Данте.

Она провела пальцами по губам Джейса, и он вздрогнул.

– Я не знаю итальянского, – очень тихо напомнила Клэри.

– Данте писал, что любовь – величайшая сила на земле. Она способна на все.

Высвободив руку, Клэри – зная, что Джейс следит за ней из-под полуопущенных век, – обняла его за шею. Коснулась губами его губ – слегка, не целуя. Сердце Джейса тут же забилось быстрее, сильнее. Юноша подался вперед, желая продолжения, но Клэри покачала головой. Ее волосы, словно полог, скрыли их лица от глаз посторонних.

– Если устал, – предложила она, – можем вернуться в Институт. Вздремнем. Мы вместе не спали с самого... Идриса.

Их взгляды встретились. Клэри знала: Джейс вспоминает то же, что и она. Бледный свет сочится в окно гостевой спальни Аматис, и в голосе Джейса слышно отчаяние: «Я лишь хочу лечь с тобой и проснуться в одной постели. Хотя бы раз в жизни». В ту ночь они лежали в одной кровати, едва держась за руки. С тех пор они не только держались за руки, однако шанса лечь в одну кровать не выпадало. Джейс понял: Клэри предлагает не просто вздремнуть, но и использовать одну из пустующих спален Института для кое-чего другого. Клэри ясно давала прочесть намерения в своем взгляде, пусть даже не понимая, сколь многое предлагает. Неважно. Джейс никогда не потребует того, чего Клэри давать не намерена.

– Да, хочу. – Огонь в глазах, легкая резкость в голосе подсказали: он не лжет. – Но... нам нельзя.

Взяв Клэри за руки, он опустил их, словно барьер между ней и собой.

Глаза Клэри округлились.

– Почему?

Глубоко вздохнув, Джейс ответил:

– Мы пришли сюда заниматься. Если потратим отведенное на тренировку время на занятия любовью, мне больше не разрешат тебя тренировать.

– Мне и так должны выделить постоянного учителя.

– Да, – сказал Джейс, поднимаясь и помогая встать Клэри. – Вот и боюсь: заведешь привычку обжиматься с учителями – и загуляешь с тем, другим тренером.

– Ах ты сексист! Мне могут прислать учителя-женщину.

– Ну, с учительницей обжиматься разрешаю. При условии, что мне можно смотреть.

– Смешно. – Улыбнувшись, Клэри начала складывать плед. – Опасаешься, как бы новый инструктор не оказался красивей тебя?

Джейс выгнул брови:

– Красивей меня?

– Почему нет? Теоретически, все возможно.

– Теоретически, планета может расколоться, и мы с тобой окажемся по разные стороны разлома. Вечно скорбящие, без возможности соединиться. Правда, и о подобном я не беспокоюсь. Некоторые вещи, —

Джейс, как обычно, криво усмехнулся, – не стоят даже того, чтобы о них заикаться.

Взяв Клэри за руку, он повел ее в рощу на окраине Ист-Мидоу, о которой знали исключительно Сумеречные охотники. Должно быть, она под маскирующими чарами. Как бы часто ни занимались в ней Джейс и Клэри, их ни разу никто, кроме Маризы или Изабель, не потревожил.

Осенью в Центральном парке царил настоящее буйство красок: деревья, облачаясь в ярчайшие цвета, пестрели зеленым, золотым, красным и оранжевым. В такой день хорошо вместе прогуляться, замереть на каменном мостке в поцелуе... Но для Джейса парк являлся внешним продолжением тренировочной комнаты, так что Клэри ждала целая куча упражнений:

ориентирование на местности, техника отступления и побега, убийство демонов голыми руками.

Убийство демонов голыми руками! Пищать бы Клэри от восторга, если бы не хмурое настроение Джейса. Что-то с ним не так, что-то очень и очень не так. Можно, конечно, нарисовать руны, которая заставит его излить душу... если бы только такая руна существовала. К тому же совесть не позволит применить ее на ком бы то ни было. Да и сила как будто впала в спячку с того дня, когда удалось явить на свет Руны союза. Больше не возникало порыва сотворить новый Знак, не приходило видений. Мариза обещала: когда тренировки у Клэри войдут в привычку, она пригласит преподавателя рунического искусства. М-да, обещанного три года ждут. Клэри, впрочем, не особенно огорчалась.

Если умение создавать новые руны исчезнет совсем, она не расстроится.

– Когда-нибудь ты безоружная встретишь демона, – говорил Джейс, ведя Клэри под сенью деревьев. Их листья имели оттенки от зеленого до ослепительно-золотого. – Паниковать нельзя. Перво-наперво, запомни: в оружие можно превратить любой подручный предмет: ветку, пригоршню монеток – из них получается отличный утяжелитель кулака, – обувь... да что угодно. Ты сама по себе оружие. В идеале, завершив обучение, ты должна уметь ногой пробить дыру в стене и одним ударом свалить лося.

– Лосей валить нельзя. Они – исчезающий вид.

Глянув на Клэри, Джейс слегка улыбнулся. Вот они достигли опушки в центре заветной рощи. На стволах деревьев по границе были вырезаны руны – нефелимские Метки.

– Слышала когда-нибудь о древнем боевом искусстве муай-тай? – спросил Джейс.

Клэри покачала головой. Солнце светило ярко, на небе – ни облачка, и Клэри почти упарилась в тренировочном костюме. Сняв куртку, Джейс принялся разминать тонкие пальцы пианиста. Глаза его искрились золотым светом. От запястий по рукам вились, словно виноградные лозы, Метки: для скорости, ловкости, силы. Интересно, зачем Джейсу Знаки, если он занимается с Клэри? Она ведь не смертельный враг.

– Прошел слушок, – продолжил он, – будто новый инструктор – мастер муай-тай. А еще самбо, летвей[10 - Летвей – родственный муай-тай бирманский рукопашный бой.], томой[11 - Томой (силат-томой) – родственный муай-тай малазийский рукопашный бой.], крав мага[12 - Крав мага – современная израильская система приемов рукопашного боя.] и чего-то там особенно мудреного... названия не помню, но вроде как, овладев этим искусством, можно убить человека соломинкой. Думаю, он не привык работать с учениками твоего уровня. Если ты под моим чутким руководством освоишь некоторые азы, к тебе отнесутся более благосклонно. – Он ухватил ее за бедра. – Развернись ко мне.

Клэри повиновалась – макушкой она теперь доставала Джейсу до подбородка – и опустила руки ему на плечи.

– Муай-тай еще называют «боем восьми конечностей». Ты используешь не только кулаки и стопы, но и колени с локтями. Дергаешь противника на себя и лупишь его любой из ударных точек, пока он не свалится.

– С демонами такое прокатывает? – вздернула брови Клэри.

– С небольшими. – Джейс придвинулся ближе. – Так, ухвати меня за шею одной рукой.

Не вставая на носочки, Клэри едва сумела дотянуться до шеи Джейса. Угроздило же вырасти такой маленькой.

– Теперь второй рукой, – сказал Джейс. – Сомкни пальцы у меня на загривке.

Затылок у Джейса был теплый, нагретый солнцем. Мягкие волосы щекотали ладони. Клэри и Джейс прижались друг к другу; кольцо у нее на шейной цепочке повисло между ними, словно камешек, зажатый меж двух ладоней.

– В реальном бою двигаться придется быстрее, – сказал Джейс, и в его голосе Клэри померещилась легкая неуверенность. – Захват на затылке дает рычаг: можешь притянуть меня к себе и добавить силы удару коленом...

– Ну надо же, – насмешливо произнес холодный голос. – Всего шесть недель минуло, и вы уже грызете друг другу глотки. Как быстротечна любовь смертных!

Отпустив Джейса, Клэри обернулась посмотреть. Она уже знала, кто к ним обращается – королева Благословенного двора стояла в тени меж двух деревьев. Если бы она не хотела выдать себя, то так и осталась бы незаметной: платье – зеленое, как трава, а волосы, ниспадающие на плечи, – цвета пожухлой листвы. Королева была прекрасна и ужасна, словно время года, несущее смерть, и Клэри ей никогда не верила.

– Зачем вы здесь? – спросил Джейс, прищурившись. – Это место принадлежит Охотникам.

– У меня новости. – Королева изящно ступила в круг, и солнечный луч, пройдя сквозь крону дерева, отразился от венца из золотистых ягодок на голове у королевы. Порой Клэри казалось, что повелительница фей репетирует эффектные появления. И если да, то как? – Имела место новая смерть.

– Какая еще смерть?

– Погиб один из вас. Нефилим. – Королева будто смаковала каждое слово. – Тело нашли на рассвете, под Оук-Бридж. Парк – мои владения, сами знаете. И хотя убийства людей меня мало интересуют, несчастный, показалось мне, пал не от руки примитивного. Тело доставили моим лекарям в Благословенный двор. Там и выяснилось: мертвый – один из вас.

Вспомнив новость двухдневной давности – о смерти другого нефилима, – Клэри быстро глянула на Джейса. Бледный, он наверняка подумал о том же.

– Где сейчас погибший? – спросил Джейс.

– Беспokoишься о его чести? Он в пределах моего двора, и честь ему окажут не меньшую, чем живому Охотнику. Теперь, когда один из моих подданных заседает в Совете наряду с вашими братьями, можете не сомневаться в доброй воле Благословенного двора.

– Да, все знают: миледи и добрая воля – две вещи нераздельные.

Не обращая внимания на неприкрытый сарказм, королева только улыбнулась. Джейс нравился ей, как нравятся феям прелестные вещи, просто потому что они

– прелестные. Сама Клэри королеву недолюбливала, и чувство ее было взаимным.

– Почему сообщаете новость нам? – спросил Джейс. – Не Маризе? Согласно обычаю...

– Ах, обычай... – Королева пренебрежительно отмахнулась. – Вы здесь, то есть ближе остальных из вашего племени.

Снова глянув на нее с прищуром, Джейс жестом велел Клэри оставаться на месте. Сам он отошел чуть в сторону и достал из кармана телефон.

– Мариза? – Его голос потонул в криках с игровой площадки.

Ощущая неприятный холодок страха, Клэри посмотрела на королеву. Они не виделись с праздничной ночи в Идрисе: тогда Клэри повела себя не особенно вежливо, и вряд ли августейшая особа простила дерзость. «Отказываешься от услуги королевы Благословенного двора? Не каждому смертному я предлагаю такую честь», – говорила она.

– Слышала, Мелиорн получил место в Совете, – сказала Клэри. – Вам, должно быть, отрадно?

– Ты права. – Королева одарила Клэри насмешливым взглядом. – Я в должной мере удовлетворена.

– Значит... на меня зла не держите?

Улыбка на устах королевы как будто подернулась льдом.

– Ты о моем предложении, которое так грубо отвергла? Видишь ли, своей цели я достигла и без твоей помощи. Если кто объективно проиграл, так это ты.

– Мне от вас ничего не нужно. – Смягчить тон никак не получалось. – Люди, знаете ли, не обязаны следовать вашим прихотям.

– Избавь меня от нотаций, дитя. – Королева взглядом проследила за Джейсом, который, не опуская телефона, прохаживался по краю опушки. – Он прекрасен, и я вижу, как ты любишь его. Ты не задумывалась, что влечет его к тебе?

Клэри не ответила. Да и что бы она сказала?

– Вас связывает небесная кровь, – намекнула королева. – Кровь взывает к крови. Не путай ее зов с чувствами.

– Снова загадки, – злобно проговорила Клэри. – Вы хоть какой-нибудь смысл в эти слова вкладываете?

– Джейс связан с тобой. Вот только любит ли он тебя?

Руки у Клэри дернулись. Ей вдруг захотелось испробовать на королеве новые приемы рукопашного боя.

– Любит.

– Хочет ли он тебя? Любовь и желание порой идут разными путями.

– Не ваше дело, – сказала Клэри, как отрезала.

Королева продолжала буравить ее взглядом.

– Ты хочешь его, как никого другого в мире. Чувствует ли то же самое Джейс? – тихо и безжалостно спросила она. – Он мог выбрать любую другую девушку. Ты не задавалась вопросом: почему Джейс остановился на тебе? Может, он жалеет о своем выборе? Его отношение к тебе не изменилось?

Глаза щипало от подступающих слез.

– Не изменилось. – Клэри вспомнила выражение лица Джейса той ночью в лифте: когда она предлагала остаться на ночь, а он спровадил ее домой.

– Ты отказалась от сделки, потому что, видите ли, мне нечего тебе дать и ты ничего не хочешь. – Глаза королевы недобро блеснули. – Ты не представляла себе жизни без Джейса?

Зачем, зачем она так поступает?! Клэри хотелось закричать, но она промолчала. В этот момент королева посмотрела ей за спину:

– Вытри слезы, ибо твоя любовь возвращается. Негоже ему видеть тебя плачущей.

Наскоро утерев глаза тыльной стороной ладони, Клэри обернулась. Джейс, нахмурившись, шел в их с королевой сторону.

– Мариза отправилась в Благословенный двор. Где королева?

Удивленно глядя на него, Клэри ответила:

– Да вот она. – Она обернулась, и слова застряли в горле. Ее величество ушла, оставив после себя лишь вихрь опавших листьев.

* * *

В мрачном настроении Саймон лежал в гараже у Эрика, подложив под голову куртку и глядя в дырявый потолок. Юный вампир разговаривал по телефону с Клэри, и ее голос был тем единственным, что не давало расклеиться окончательно.

– Саймон. Ты серьезно?! – Слова прозвучали едва слышно из-за шума дорожного движения. – Ты правда вломился в гараж к Эрику? Сам-то Эрик в курсе?

– Нет. У него дома никого, а у меня есть ключи. Гараж – самое то, чтобы заныкаться. Ты-то где?

– В городе. – «Город» в устах бруклинца значит «Манхэттен». Иного метрополиса как будто не существует. – Мы с Джейсом тренировались, потом ему пришлось вернуться в Институт по делам Конклава. Я иду к Люку. – На заднем фоне громко

просигналила машина. – Слушай, давай к нам. Устроим тебя на диване в гостиной.

Саймон не спешил с ответом. О Люке он был исключительно хорошего мнения: сколько Саймон знает Клэри, Люк жил в старенькой квартирке над книжной лавкой. Ребята провели в ней не один час за чтением «позаимствованных» в магазинчике книг и просмотром старых фильмов по кабельному.

Теперь дела обстоят иначе. Встревоженная молчанием друга, Клэри предложила:

– Давай моя мама поговорит с твоей? Объяснит?

– Что? Как я стал вампиром? Клэри, моя мама и так понимает, что я вампир. И вряд ли меня таким примет.

– Нельзя же ее постоянно держать под гипнозом.

– Почему нет? – Саймон сам понимал, что говорит неразумно. Однако, когда лежишь на жестком полу в пропахшем бензином гараже, окруженный плетущими сети пауками, о разумности думаешь в последнюю очередь.

– Нельзя жить во лжи. Домой придется вернуться...

– И что? Я проклят, таково мое бремя. «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»[13 - Бытие, 4:12.]. – Даже сквозь шум и гомон голосов Саймон услышал резкий и глубокий вздох Клэри. – Может, и об этом рассказать? Как ты нанесла мне на лоб Каинову печать? И что я теперь ходячее проклятие? Далось маме такое счастье!

Звуки на заднем фоне сделались тише. Клэри вошла в дом.

– Саймон, мне жаль. – Она еле сдерживала слезы. – Ты ведь знаешь...

– Ты ни в чем не виновата. – Саймон вдруг ощутил дикую усталость. Сначала перепугал до смерти родную мать, теперь довел до слез лучшего друга... Молодец, ничего не скажешь. Сегодня не твой день, Саймон. – Мне лучше

держаться от людей подальше. Посижу здесь, подожду Эрика. Впишусь к нему на некоторое время.

Клэри усмехнулась сквозь слезы:

- Эрик для тебя не человек?

- Позже поговорим, - сказал Саймон и, помявшись, добавил: - Завтра перезвоню, лады?

- Завтра увидимся. Ты обещал пойти со мной на примерку платья, помнишь?

- О-ой, должно быть, я тебя и правда люблю.

- Да, я тебя тоже.

Прервав связь, Саймон лег и положил руку с телефоном на грудь. Забавно, теперь он запросто говорит Клэри: «Я тебя люблю», тогда как до этого годами не мог выдавить из себя признание. Вложив в заветные слова иной смысл, он произнес их легко.

Иногда Саймон задумывался: что, если бы на свете не было Джейса Вэйланда, если бы Клэри не узнала о своем наследии? Такие мысли Саймон гнал прочь, ибо они бесполезны. Прошлого не вернуть, не изменить, и двигаться нужно вперед. Не то чтобы Саймон знал свое будущее. Навсегда остаться у Эрика не получится. Даже удрученный, Саймон понимал: гараж - местечко паршивое. Вампиры не мерзнут, не чувствуют жара, однако спать на жестком полу им тоже не всегда под силу. Вот бы заглушить чувства: не слышать шума машин и вони бензина. Впрочем, хуже всего тревога о том, как быть дальше.

Почти весь запас крови Саймон выбросил, оставив пару бутылочек в рюкзаке. На несколько дней хватит, потом начнется жуть. Эрику по фигу, кем стал Саймон. Он позволит задержаться у себя, но тогда родители Эрика обязательно известят миссис Льюис - и все, абзац. Мама-то думает, что Саймон на экскурсии.

Еще пару дней, и кровь закончится - мать заподозрит неладное, позвонит в школу. Вспомнит, что Саймон теперь вампир. Ему вроде полагается вечность, а в

распоряжении осталось несколько дней.

Саймон так старался, тщательно выстраивал «жизнь»: школа, друзья, дом, своя комната. Притворство требовало усилий, но себя оправдывало: другие варианты, подразумевающие одиночество и забытие, не привлекали. Вспомнились слова Камиллы: «Все хорошо, пока тебе шестнадцать. Представь, что будет в двадцать шесть. В тридцать. Думаешь, никто не заметит, как ты не меняешься, в то время как все вокруг стареют?»

Саймон создал искусственную жизнь по образу и подобию прошлой, хрупкую и недолговечную копию... Сердце упало. Финал вышел закономерный, нельзя цепляться за тени минувшего, воспоминания. Саймон вновь подумал о предложении Камиллы: теперь оно казалось куда уместнее – предложение общества, пусть и не совсем желанного. Еще три дня, и явится раб. Что Саймон скажет? Прежде ответ представлялся таким очевидным...

Загрохотала, открываясь, дверь гаража. Внутри брызнул поток яркого света, и Саймон, напряженный, сел:

– Эрик?

– Не-а, Кайл.

– Кайл? – тупо переспросил Саймон. Ах да, Кайл, новый фронтмен! Успокоившись, он снова лег. – А... привет. Здесь никого. Если ты пришел порепетировать...

– Классно же. Я не петь пришел. – Держа руки в задних карманах джинсов, Кайл сощурился в темноте. – Ты – как тебя там? – басист, да?

Встав и отряхнувшись, вампир напомнил:

– Саймон.

Хмурясь, Кайл огляделся:

– Я, по ходу, вчера ключи посеял, обыскался уже. А... вот они. – Нырнув за барабанную установку, он через секунду встал и победно потряс в воздухе связкой ключей. Внешний вид Кайла не очень-то изменился со вчерашнего дня: синяя футболка, кожаная куртка, на шее золотой медальон с образом святого; каштановые волосы – в еще большем художественном беспорядке. – Ты, значит, – Кайл облокотился на колонку, – спал здесь? На полу?

Саймон кивнул:

– Выгнали из дому. – И правда, и объяснять большего не надо.

Кайл сочувственно кивнул:

– Маман нашла нычку с травкой? Фигово.

– Нет. Не нычку... с травкой. – Саймон пожал плечами. – Поспорили... насчет моего образа жизни.

– Узнала о двух подружках? – Кайл осклабился. Красавчик. Правда, в отличие от Джейса, который знает о своей красоте, он, похоже, неделями забывает расчесываться. Открытый и простой, Кайл выглядел куда дружелюбнее. – Керк мне все рассказал. Молодец, чувак!

Саймон мотнул головой:

– И не в подружках дело.

Повисла неловкая пауза.

– Да я... и сам дома не живу, – признался Кайл. – Пару лет как. – Обняв себя и понуриив голову, он низким голосом продолжил: – С предками больше не общаюсь. Сам-то я неплохо живу, просто... Так уж вышло.

– А твои наколки, – Саймон показал на себе. – Они что значат?

Вытянув руки, Кайл нараспев произнес:

- Шанти, шанти, шанти. Мантры из Упанишад[14 - Упанишады – индийские религиозные трактаты, записанные в прозаической и стихотворной форме.]. Молитвы на санскрите, для успокоения.

Раньше Саймон подумал бы, что татуировка на санскрите – выпендрейж, но сейчас ему так не показалось.

- Шалом, – сказал он.

- Чего? – моргнув, спросил Кайл.

- Это значит: мир тебе. На иврите. Показалось, что звучит похоже на твои мантры.

Кайл пристально присмотрелся к Саймону. Казалось, он обдумывает некую мысль.

- Я сейчас, наверное, глупость скажу...

- Забей. В последнее время глупость для меня понятие растяжимое.

- Я снимаю квартиру в Алфавитвилле. Сосед недавно съехал, так что в распоряжении есть свободная спальня. Кровать и все такое.

Саймон растерялся. С одной стороны, он совсем не знает Кайла, и переезд к нему может оказаться величайшей ошибкой. Вдруг Кайл – серийный убийца? Хотя на руках у него и наколки с молитвами о мире. С другой стороны, у Кайла Саймона никто не станет искать. И что, если даже он серийный убийца? Ему же хуже. (Если вспомнить о вчерашнем мужике с ножом.)

- Я, наверное, приму твое предложение.

Кайл кивнул:

- Снаружи стоит мой пикап. Можем сразу ко мне поехать.

Подобрав рюкзак и сунув телефон в карман, Саймон широко раскинул руки – готов, мол.

– Поехали.

5

Ад взывает к аду

Саймона ждал приятный сюрприз. Он-то думал: Кайл делит съемное жилище (без лифта) на авеню D с тараканами и спит на самопальной лежанке из пенопласта и молочных коробок. На деле Кайл устроился в чистой, опрятной квартире: две спальни, тонны книг и всюду фотографии знаменитых мест для занятий сёрфингом. Похоже, он и марихуану выращивал на площадке пожарной лестницы. Эх, нет в мире совершенства.

Саймону досталась пустая комната: голые стены, голый пол; от прежнего жильца остался только матрас-футон. В единственное окно виднелась неоновая вывеска китайского ресторанчика через дорогу.

– Нравится? – спросил Кайл, встав в дверном проеме и глядя на Саймона дружелюбными карими глазами.

– Супер, – честно ответил Саймон. – То, что нужно.

Самым дорогостоящим предметом в квартире оказался плоскоэкранный телевизор в гостиной. Устроившись перед ним на диване-футоне, Саймон и Кайл принялись смотреть передачи в плохом качестве. Свет за окном постепенно тускнел. Саймон решил для себя, что Кайл прикольный: не подкалывает, не лезет в душу, не задает лишних вопросов. За постой не спросил ничего, только денег на еду. Таким вот Кайл оказался обыкновенным, мирным парнем. Саймон уже стал забывать, какие они, обыкновенные люди.

Кайл работал в ночную смену, и, когда он ушел, Саймон рухнул на матрас. Прислушался к движению на авеню В.

С самого ухода из дома Саймона не отпускали мысли о матери: перед внутренним взором постоянно возникало ее лицо, взгляд, наполненный страхом и отвращением, будто Саймон, как незваный гость, вломился в дом. Хотя вампиры не дышат, от таких мыслей в груди все сжималось. Теперь же...

В детстве Саймону нравилось путешествовать. Уезжая в новое место, он словно оставлял позади проблемы. Даже здесь, на другом берегу реки, воспоминания о смерти покушенца и реакции матери на правду начинали тускнеть, стираться.

Может, в этом весь смысл? Оставаться в движении? Как акула? Идти туда, где тебя не найдут? «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Такое сработает, если нет близких, если некого бросить.

Ночь Саймон провел в беспокойном сне. Как вампира – несмотря на дар светолюба, – его тянуло спать днем. Приходилось бороться с чувством тревоги и кошмарами, пока не наступало утро. Переодевшись в свежее, Саймон вышел из спальни. Кайл в это время на кухне жарил бекон.

– Превед, сосед, – бодро поприветствовал он Саймона. – Завтракать будешь?

От вида людской еды Саймона слегка затошнило.

– Нет, спасибо. От кофе, правда, не откажусь. – Он присел на колченогий табурет.

Кайл толкнул ему по стойке щербатую кружку:

– Завтрак – самый важный прием пищи, братан. Даже если заменяет обед.

Саймон обхватил ладонями горячую кружку и попытался найти тему для разговора. Только такую, чтобы Кайл не спрашивал, почему его новый сосед почти не ест.

– Я вчера забыл спросить: чем ты на жизнь зарабатываешь?

Сняв с тефлоновой сковородки кусочек бекона, Кайл отправил его в рот. На золотом медальоне у него имелся орнамент в виде листьев и гравировка: «Beati bellicosi». Первое слово, насколько знал Саймон, как-то относится к святым. Наверное, Кайл – католик.

– Я велокурьер, – жуя, ответил он. – Работа клевая. Ездишь везде, болтаешь со всеми... Лучше, чем в школе просиживать.

– Тебя выгнали?

– Сам ушел. Получил аттестат о среднем образовании и свалил. Предпочитаю школу жизни. – Если бы не искренность, с какой Кайл разговаривал, Саймон решил бы, что «школа жизни» – бред собачий. – А ты? Планы есть?

Что ответить? А... так, отправлюсь по миру сеять смерть и разрушения, пить кровь невинных, не думая о смерти и забыв про счастье? В общем, как обычно?

– Как раз думал над этим.

– То есть музыкантом быть не планируешь?

К счастью, зазвонил телефон. Выудив его из кармана, Саймон глянул на экран: Майя.

– Алё? Привет, как дела?

– Ты идешь с Клэри на примерку платья? – спросила Майя. Голос ее звучал прерывисто. Наверное, звонит из логова в Чайнатауне, сигнал у них не очень. – Она сказала: ты составишь ей компанию.

– Чего? А... точно. Да, иду.

Клэри настояла, чтобы Саймон отправился с ней на примерку. Потом они вместе пойдут купить комиксов, и Клэри, по ее выражению, избавится от ощущения «махровой девчочности».

– Ну так вот, я тоже приду. Надо передать Люку сообщение от стаи, да и вообще, сто лет тебя не видела.

– Знаю. Прости...

– Забей, – беззаботно ответила Майя. – Но ты меня обязательно предупреди, в чем идешь на свадьбу. Иначе не в масть оденемся.

Она повесила трубку, и Саймон тупо уставился на экран телефона. Клэри права: свадьба ее матери – день икс для Саймона, к которому, как ни прискорбно, юноша не готов.

– Одна из подружек? – любопытно спросил Кайл. – Та рыженькая с прошлой репетиции? Симпатичная.

– Нет. Рыжая – это Клэри, мой лучший друг. – Саймон убрал телефон в карман. – И у нее есть парень. Между ними все очень, очень и очень серьезно. Серьезно, как атомная бомба. Поверь.

Кайл улыбнулся от уха до уха:

– Я только спросил. – Он убрал опустошенную сковороду в мойку. – Вернемся к твоим подружкам. Они симпатичные?

– Они очень и очень... разные. – Если не сказать полная противоположность друг другу. Майя – спокойная и приземленная, Изабель вечно ищет острых переживаний. Майя – ровный огонек в темноте, Изабель – пылающая звезда, вращающаяся в пустоте. – В смысле, они обе здоровские. Красивые и умные...

– И ни одна не знает про другую? – Кайл облокотился на стойку. – Вообще?

Саймон сам не заметил, как начал рассказывать о том, как после возвращения из Идриса (страну по имени называть не стал) Изабель и Майя начали ему названивать, приглашать на прогулки. Обе девчонки Саймону нравились, и потому он ни одной не отказал. Незаметно начались романтические отношения, и рассказать одной подруге о другой Саймон никак не решался. Запутавшись окончательно, он не хотел причинять боль ни Майе, ни Изабель... и в то же

время не знал, что делать.

– По-моему, – изрек Кайл, отворачиваясь и выливая остатки кофе в раковину, – ты должен выбрать одну, хватит юлить. Это я так, мнение выразил.

Злится, наверное. Голос у него какой-то жесткий, сдержанный. Нет, показалось: развернувшись, Кайл посмотрел на Саймона все так же открыто и дружелюбно.

– Знаю, согласен, – ответил Саймон. Глянув на спальню, он спросил: – Я тебе точно не мешаю? Могу убраться в любую секунду...

– Все путем. Живи, сколько влезет. – Порывшись в кухонном шкафчике, Кайл достал связку ключей на резиновом кольце. – Вот твой комплект. Тебе здесь всегда рады. Мне пора на работу, но ты оставайся, если хочешь. Сыграй в «Halo» там или найди себе другое занятие. Дождешься моего возвращения?

Саймон пожал плечами:

– Нет, скорее всего. В три надо на примерку платья.

– Прикольно, – сказал Кайл, перекидывая через плечо ремень почтальонской сумки и направляясь к двери. – Пусть тебе сошьют что-нибудь в красных тонах. Определенно, твой цвет.

* * *

– Ну? – спросила Клэри, выходя из примерочной. – Как тебе?

Она повертелась, давая рассмотреть себя со всех сторон. Сидевший на неудобном белом стуле Саймон чуть не упал. Сев поудобнее, он ответил:

– Мило.

Впрочем, мило – еще слабо сказано. Клэри, как единственная подружка невесты, получила право выбирать все что душе угодно. И она предпочла простое шелковое платье цвета меди с тонкими бретельками, которые выгодно

подчеркивали ее худенькую комплекцию. Из украшений Клэри планировала надеть только фамильное кольцо Моргенштернов на простой серебряной цепочке – та лежала, точно повторяя изгибы шеи.

Всего пару месяцев назад, увидев Клэри в подобном платье, Саймон испытал бы смесь чувств: от глубокого отчаяния (Клэри его никогда не полюбит!) до сильного возбуждения (или полюбит, если открыться?). Сейчас Саймон переживал только легкую грусть.

– Мило? – эхом отозвалась Клэри. – Точно? Тьфу ты... – Она обернулась к Майе: – Тебе как?

Майя предпочла не мучиться на стуле и присела на полу. Привалившись к увешанной диадемами и фатами стене, она пристроила на колене карманную приставку Саймона и резалась в «GTA».

– Не спрашивай! Я платья ненавижу. Если можно, я бы на свадьбу в джинсах пришла.

Действительно, Майя практически не вылезает из джинсов и футболок. И в этом смысле она полная противоположность Изабель – та постоянно, даже некстати, носит платья и каблуки. (Правда, увидев однажды, как Изабель пронзила демона каблуком-стилетом, Саймон больше на сей счет не тревожился.)

Прозвенел колокольчик над входной дверью – вошли Джослин и Люк. Оба держали в руках по дымящемуся стаканчику с кофе; Джослин смотрела на Люка блестящими глазами, на щеках у нее играл легкий румянец. Клэри говорила о матери и Люке: дескать, они «по уши в любви, аж смотреть противно». Саймон ничего противного не заметил. Наверное, потому, что видел перед собой не родителей. Люк и Джослин лучились счастьем. До чего мило.

При виде Клэри глаза у Джослин полезли из орбит.

– Дорогая, ты просто шикарна!

– Иного я не ждала. Ты моя мама. – Говоря так, Клэри, тем не менее, широко улыбнулась. – Слушай, а кофе у тебя черный?

– Ага. Считай, это наше извинение за опоздание, – сказал Люк, протягивая ей стаканчик. – Мы вам подкрепиться принесли. – Люк посмотрел на Саймона и Майю: – Привет, ребята.

Майя склонила голову, приветствуя Люка. Он хоть и глава стаи, все же отучил девчонку обращаться к нему «хозяин» и «господин». Тем не менее Майя в присутствии вожака оставалась максимально почтительной.

– У меня известия от стаи, – сказала Майя, откладывая в сторону игровую консоль. – Есть вопрос насчет вечеринки на фабрике «Айронворкс».

Майя и Люк погрузились в обсуждение предстоящего праздника. Его организовала стая в честь предстоящего бракосочетания «альфа-самца». Хозяйка же салона, до того читавшая журналы, поняла: пришли люди, которые, собственно, платят за наряды, – и поспешила к заказчикам.

– Только что прибыло ваше платье, выглядит чудесно, – зашебетала она и, подхватив мать Клэри под руку, повела ее в заднюю часть салона. – Идемте примерите. – Люк уже хотел было пойти следом, однако дама погрозила ему пальцем: – Вам с нами нельзя.

Люк озадаченно смотрел, как невесту уводят через расписанные колокольчиками вращающиеся двери.

– У примитивных жениху не положено видеть невесту в платье до свадьбы, – напомнила Клэри. – Плохая примета. Хозяйка, поди, не понимает, зачем ты пришел на примерку.

– Джослин хотела знать мое мнение. – Люк покачал головой. – А... ладно. Странные все же обычаи у примитивных.

Плюхнувшись в кресло, он поморщился – в спину ему впилась одна из резных розеток.

– Ай!

– Как женятся Охотники? – с любопытством спросила Майя. – У них обычаи есть?

– Да, – протянул Люк. – Но мы будем жениться не по обычаям. Они мне не подходят, я не Охотник.

– Правда? – пораженно спросила Майя. – Я не знала.

– В ходе свадебной церемонии Охотники наносят друг другу постоянные Метки, – спокойно и с грустью в глазах произнес Люк. – Руны любви и обязательств. Любой, кто не принадлежит к касте Охотников, не вынесет Метки Ангела. Поэтому мы с Джослин просто обменяемся кольцами.

– Фигово.

Люк улыбнулся:

– Да нет. Я мечтал жениться на Джослин, так что детали меня не заботят. И потом, все меняется. Новый Совет убедил Конклав терпимее относиться к подобным...

– Клэри! – позвала Джослин. – На секундочку!

– Иду! – откликнулась Клэри и залпом допила остатки кофе. – Ой-ей, долг подружки невесты.

– Удачи, – сказала Майя. Встав, она бросила консольку на колени Саймону и поцеловала его в щеку: – Мне пора. Встречаюсь с друзьями в «Охотничьей луне».

От нее вкусно пахло ванилью, а еще соленой кровью и лимоном (что характерно для оборотней). Каждый вид нежити пах по-своему: фейри – увядшими цветами, маги – жжеными спичками, вампиры – металлом.

Однажды Клэри спросила: чем пахнут Сумеречные охотники?

– Солнечным светом, – отвечал Саймон.

– Пока, малыш. – Майя слегка взъерошила ему волосы.

Едва за ней закрылась дверь, Клэри пригвоздила Саймона к месту взглядом:

– К субботе ты просто обязан уладить любовные дела. Я серьезно. Если не разберешься, я сама им все расскажу.

– Что расскажешь? Кому? – встревожился Люк.

Покачав головой, Клэри сказала напоследок:

– Ты ходишь по тонкому льду, Льюис.

Подобрав юбки, она отправилась на помощь к матери. Саймон же с удовлетворением заметил: под платье Клэри надела зеленые кроссы.

– Определенно, творится нечто, – проговорил Люк, – о чем я даже не подозреваю.

Посмотрев на него, Саймон ответил:

– Я порой живу по такому принципу.

Выгнув брови, Люк спросил:

– Что-то стряслось?

Саймон не торопился отвечать. О сердечных делах не расскажешь: Люк и Майя в одной стае, а стая оборотней – не уличная банда. Ее члены уважают друг друга. Не хочется ставить Люка в неловкое положение. И в то же время он – надежный источник. Как глава манхэттенской стаи, он хорошо осведомлен о делах в мире нежити.

– Ты не слышал о вампирессе по имени Камилла?

Люк тихонько присвистнул:

– Я-то знаю, кто она такая. А вот тебе откуда известно ее имя?

– Ну, она глава нью-йоркского клана, – сдавленно произнес Саймон. – Вампиры теперь мои родичи, как-никак.

– Мне казалось, что ты изо всех сил стараешься вести людскую жизнь и в их дела не соваться. – В голосе Люка не слышалось осуждения, только любопытство. – Когда я принял бразды правления от предыдущего вожака, Камилла оставила за себя Рафаэля. Точно никто не знал, куда она отправляется. Впрочем, личность она легендарная. Чрезвычайно древняя вампиресса, известная своей злобой и хитростью. Она в свое время заставила попотеть даже Дивный народец.

– Ты с ней встречался?

Люк покачал головой:

– Вряд ли. Почему ты спрашиваешь?

– Слышал о ней от Рафаэля, – расплывчато ответил Саймон.

– Ты недавно видел Рафаэля? – наморщив лоб, спросил Люк.

Ответить Саймон не успел – вновь прозвенел колокольчик над дверью. Вошел Джейс. Ого, Клэри не говорила, что он придет.

Если так подумать, то Клэри в последнее время вообще редко о нем говорит.

Посмотрев на Саймона и на Люка, Джейс как будто удивился их присутствию. При Клэри он наверняка проявляет всю гамму эмоций, зато на людях носит маску мрачной свирепости. Саймон однажды заметил Изабель:

– У него такое лицо, словно он погружен в умные мысли. Но спроси его о чем-нибудь, и получишь в нос.

– А ты не спрашивай, – как глупому ребенку отвечала Изабель. – Вас двоих дружить не заставляют.

– Клэри пришла? – спросил Джейс, прикрывая за собой дверь. Выглядел он устало, под глазами залегли темные круги. Несмотря на пронизывающий ветер, он даже не надел куртки. Холод Саймона больше не беспокоил, однако смотреть на Джейса в джинсах и одной только термоблузке было больно.

– Она Джослин помогает, – сказал Люк. – Проходи, подождешь ее с нами.

Джейс беспокойно оглядел салон: вуали, веера, диадемы, расшитые мелким жемчугом шлейфы...

– Тут все такое... белое.

– Конечно, – отозвался Саймон. – Салон-то свадебный.

– Для Охотников белый – цвет траура, – пояснил Люк. – Однако для примитивных, Джейс, белый – цвет свадьбы. Он символизирует чистоту и невинность невесты.

– Джослин вроде не хотела белое платье? – припомнил Саймон.

– Поезд ушел, – произнес Джейс.

Люк поперхнулся кофе. Не успел он сказать – или сделать – хоть что-нибудь, как вернулась Клэри: волосы собраны в высокую прическу на заколках со стразами, несколько завитых прядей остались свободными.

– Ну не знаю, – говорила она на ходу. – Карина взяла и сделала прическу, даже не спросила. Я насчет стразов не уверена...

Увидев Джейса, она пораженно умолкла. Джейс посмотрел на нее так, что Саймон впервые сумел прочесть по его лицу душевные волнения: мир перестал существовать для Джейса, остались только он и Клэри. Джейс смотрел на нее с таким вожделением и страстью, что Саймон даже ощутил неловкость, будто нарушил чей-то момент уединения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kassandra-kler/gorod-padshih-angelov-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Ведь мы с тобой два тома одной книги? (фр.). – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Граф Чокула – фирменный знак, вампир, пожирающий шоколадные хлопья.

3

Бытие, 4:13.

4

Бытие, 32:30.

5

«She'll Be Coming 'Round the Mountain», американская песня в стиле фолк. Происходит от негритянского спиричуэла «When the Chariot Comes» («Когда приедет колесница»), в котором поется о Втором пришествии Иисуса Христа.

6

Бытие, 4:10.

7

Бытие, 4:15.

8

Благословен ты, Господь, внимающий молитве (др. – евр.).

9

«...Любовь, что движет солнце и светила» (Данте Алигьери, «Божественная комедия», пер. М. Лозинского).

10

Летвей – родственный муай-тай бирманский рукопашный бой.

11

Томой (силат-томой) – родственный муай-тай малазийский рукопашный бой.

12

Крав мага – современная израильская система приемов рукопашного боя.

13

Бытие, 4:12.

14

Упанишады – индийские религиозные трактаты, записанные в прозаической и стихотворной форме.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kassandra-kler/gorod-padshih-angelov-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)